

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР

"АНТРОПОСОФСКАЯ МОРАЛЬ"

Из GA 155:

28 - 30 мая 1914 года (Норчеппинг)

**Лекция 1
28 мая 1914**

Мои милые антропософские друзья! Следуя ясному для меня импульсу, о котором быть может следовало бы поговорить больше, мы должны в эти дни рассмотреть одну из самых важных, одну из самых значительных областей нашего Антропософского Мировоззрения. Нередко нас упрекают в том, что мы так охотно уносимся в обозрение весьма отделённых космических развитий в их связи с человеком; что мы так охотно уносимся в области духовных миров, слишком часто рассматривая только такие отдалённые события прошлого и такие, далеко уходящие перспективы будущего, и оставляем почти без внимания ту область, которая должна быть ближе всего людям: область человеческой морали и человеческой этики.

В том, что говорят так часто, когда упрекают нас, что мы касаемся этой важнейшей области человеческой душевной и человеческой социальной жизни меньше, чем области более отдалённой, правильно то, что эта область, область человеческой морали, должна быть для нас самой существенной. Но против такого упрека должно быть сказано, что именно ощущая в себе всё значение и важность Антропософской жизни и Антропософского образа мысли, мы должны приближаться к этой области лишь с самым священным трепетом, так как мы сознаём, что рассматриваемая в правильном смысле она страшно близко затрагивает человека, настолько близко, насколько это возможно, и требует самой серьёзной, самой достойной подготовки. Упрек, который в охарактеризованной выше форме бросают нам, пожалуй было бы возможно облечь в такие слова: можно было бы сказать: "К чему пространное обозрение миров? К чему рассказы о многих перевоплощениях многих существ, о сложных отношениях Кармы, если самое важное в жизни то, что один мудрец, достигший высот этой жизни, в конце богатой и мудрой жизни, уже больной и слабый, лишённый возможности ходить, вновь и вновь повторял своим ученикам: "Дети, любите друг друга".

Как известно, так говорил Апостол Евангелист Иоанн в

престарелые годы, и часто, часто подчёркивалось, это в этих четырёх словах: "Дети, любите друг друга", дан экстракт глубочайшей нравственной жизненной мудрости; поэтому многие могли бы сказать: к чему всё остальное, если добро, если высокие нравственные идеалы могут быть выполнены так просто, как это выражено в словах евангелиста Иоанна.

Мои милые друзья - антропософы, не принимают в соображение одного, когда из приведенного выше, совершенно правильного факта, выводят утверждение, что людям вполне достаточно было бы знать, что они должны любить друг друга. При этом принимают в соображение одного, а именно не принимают в соображение одного, а именно того обстоятельства, что тот, кого при этих словах приводят как свидетеля, сказал их лишь в конце богатой и мудрой; жизни, в конце жизни, заключавшей в себе написание глубочайшего, самого значительного Евангелия и что тот, кто сказал эти слова, только тогда позволил себе сказать их, когда имел за собой эту богатую, мудрую жизнь, приведшую его к таким великим и могучим результатам. Да, мои милые друзья - антропософы, кто, как он, имеет за собою такую жизнь, тот смеет всё, что способны чувствовать человеческие души в глубокой мудрости, заключённой в Евангелии от Иоанна, выразить в только что приведенных словах, как последний вывод своей мудрости, истекшей из неисчерпаемых душевных глубин и вливающийся в глубины других сердец и других душ. Но тот, кто не в таком положении, тот должен приобрести себе право высказать высочайшие нравственные истины в таких простых словах, лишь углублением в основы мировых тайн. Как ни тривиальна много раз повторяющаяся фраза: "Когда двое говорят одно и то же, то это - всё же не одно", - тем не менее она особенно применима для вышеприведенного. Когда кто-нибудь, желая просто отклонить какие - либо знания о тайнах мира и их понимание говорит: "Но ведь так просто охарактеризовать высочайшую моральную жизнь" - и употребляет слова: "Дети, любите друг друга", то это будет совершенно иное, чем когда эти слова говорит евангелист Иоанн, и к тому же ещё в конце такой богатой мудростью жизни.

Поэтому именно тот, кто понимает эти слова евангелиста Иоанна, должен был вывести из них совсем иное заключение, чем это обыкновенно делается, он должен вывести то заключение, что прежде всего нужно молчать о таких значительных словах и что высказывать их можно только тогда, когда приобрел необходимую для этого подготовку и необходимую зрелость. Но теперь, когда мы сделали это, для многих вероятно не особенно приятное замечание, в нашей душе окажется нечто совершенно иное, имеющее бесконечно глубокое значение. Человек скажет себе: да, возможно, что моральные принципы в их глубочайшем значении могут быть поняты только в конце всей мудрости, но человеку они нужны всегда. Разве был бы возможен на свете вообще какой-либо

успех морального общения, социального, морального дела, если бы с познанием наивысших моральных принципов приходилось ждать до самого конца достижения мудрости. Самое необходимое для совместной человеческой жизни - его мораль, а здесь утверждает, что моральные принципы достижимы только в конце стремления к мудрости. И тогда, конечно, многие могли бы сказать, что они готовы усомниться в мудром устройстве мира, если бы это было действительно так; то есть, если бы то, в чём нуждаешься больше всего, было бы достижимо лишь в конце человеческого стремления.

Ответ на то, что было характеризовано выше, в избытке дают нам жизненные факты. Вам стоит только сопоставить два жизненных факта, без сомнения, очень хорошо знакомых Вам в той или иной форме, и Вы сейчас же увидите, что правильным может быть как одно: то-есть то, что высочайших моральных принципов и их понимания мы достигаем только в конце мудрого стремления; так и другое; то, что упомянутые вещи, моральные и социальные сообщества и дела не могут существовать без морали. Вы сейчас же увидите это, если поставите перед душой два факта, несомненно вам прекрасно знакомых в той или иной форме. Кому не случалось видеть, что какой-нибудь интеллектуально высоко развитый человек, может быть такой даже, который умным и интеллектуальным пониманием воспринял не только внешнюю научность, но и теоретически и практически понял многое из оккультных и спиритуальных истин, в то же время вовсе не является особенно моральным человеком. Кому не случалось видеть, что умные, духовно высоко развитые люди могут впадать в моральное заблуждение? И кому не приходилось переживать другие факты, на которых мы можем научиться столь бесконечно многому; например, кто не знал няню с узко ограниченным горизонтом, с ничтожною интеллектуальностью и малыми познаниями, которая, служа у чужих, воспитывала одного за другим детей, не собственных детей, а детей других людей; с первых недель их физического существования она участвовала в их воспитании и быть может до самой своей смерти жертвовала для этих детей всем, что у неё было, полная любви, с такой самоотверженной преданностью, какую только можно себе представить. И если бы к этой женщине подошёл кто-нибудь с моральными принципами, добытыми из самых высоких сокровищниц мудрости, то, по всей вероятности, эта женщина совершенно бы ими не заинтересовалась. Она, наверное, нашла бы их очень непонятными и бесполезными. Но тем, что она поступала морально, она сделала больше, чем простым признанием, и часто в таких случаях результатом является то, что мы с глубоким уважением преклоняемся перед тем, что струится из сердца в жизнь, и творит бесконечно много доброго.

Подобного рода факты часто отвечают на загадки жизни гораздо яснее, чем теоретические объяснения, и мы говорим

себе, что исполненная мудрости Вселенная, исполненная мудрости эволюция не дожидалась, пока люди отыщут моральные принципы, чтобы сообщить миру моральный поступок, моральное действие. И потому мы должны сказать: если мы оставим в стороне неморальные поступки, причины которых мы узнаем в течение этих лекций, то однако, существует нечто, что заключено в человеческой душе как часть Божественного Наследия, дарованная как изначальная моральность, которую можно было бы назвать "инстинктивной моральностью" и, которая даёт человеку возможность дать, пока моральные принципы смогут быть обоснованы.

Но, быть может, совсем и не надо прилагать так много забот к исследованию моральных принципов. Может быть можно сказать, что лучше всего было бы, если бы люди положились на свои первоначальные моральные инстинкты и не запутывались бы в теоретических объяснениях морали? Мои милые друзья - антропософы, как раз эти лекции должны показать, что это тоже не так; они должны показать, что мы должны, по крайней мере в том периоде человеческого развития, в котором мы находимся теперь, искать Антропософскую мораль; Антропософская Мораль должна быть Задачей, которая является плодом Нашего общего Антропософского Стремления и Нашей Антропософской Науки.

Один философ нового времени, не безызвестный, конечно, и на севере - Шопенгауэр, наряду со многим другим ошибочным, что содержит эта философия, высказал одно, очень верное положение, как раз относительно принципов морали, а именно: "Мораль легко проповедовать - обосновать мораль трудно". Это выражение очень верно, так как, в сущности, нет ничего легче, как в той форме, которая подходит к наиболее близким принципам человеческого чувствования и ощущения, высказывать, что должен делать или не делать человек, чтобы быть хорошим человеком. Правда, многих оскорбляет, когда утверждают, что это легко - но, тем не менее, это легко, и кто знает мир и жизнь, тот не будет сомневаться, что едва ли о чём-либо другом говорилось так много, как о правильных основах нравственных поступков, и, в особенности, верно одно; что, в сущности, мы находим самое большое сочувствие со стороны людей, когда говорим об этих общих основах нравственных поступков. Это доставляет такое, можно сказать, удовольствие душам слушателей и так сильно ими чувствуется, что они, безусловно, готовы настроиться согласно с тем, что говорит оратор, когда он преподносит самые общие основания морального поведения человека.

Но моральными учениями, моральными проповедями не обосновывается мораль. Поистине нет. Если бы именно моральными учениями и моральными проповедями вообще могла быть обоснована мораль, то, конечно, теперь бы уже не было неморальных поступков! Всё человечески должно было бы

насквозь, так сказать, пропитаться моральными действиями, потому что каждый, без сомнения часто, часто и постоянно имел возможность слышать прекраснейшие моральные основоположения и в особенности он имел эту возможность слышать их потому, что они так охотно проповедаются. Но знать, что нужно делать и что будет морально-правильным, - что ещё самое незначительное в области морали. Напротив, самое важное в области морали - это то, что в нас могут жить импульсы, которые благодаря своей внутренней крепости, благодаря своей внутренней силе превращаются в моральные действия и таким образом, морально изживаются во вне. Этому отнюдь не достигают моральные проповеди. Обосновать мораль - это значит привести человека к источникам, из которых ему могут сообщаться силы, ведущие к моральному действию. Насколько трудно найти эти силы, показывает нам тот факт, что, в сущности, уже бесконечное количество раз делались попытки, например, со стороны философии, - обосновать этику. Сколько есть на свете различных ответов на вопрос: "Что такое добро?" или "Что такое добродетель?". Попробуйте когда-нибудь, мои милые друзья - антропософы, собрать всё, что говорили философы, начиная с Платона и Аристотеля, от эпикурейцев, стоиков, неоплатоников, через весь этот ряд вплоть до новейших философских воззрений: попробуйте когда-нибудь собрать всё, что говорилось, скажем, хотя бы от Платона до Герберта Спенсера о природе и сущности добра и добродетели, и вы увидите, сколько делалось различных попыток проникнуть к источникам моральной жизни, к источникам моральных импульсов.

Лекции, которые я хочу прочесть здесь, должны показать нам, что, в действительности, лишь оккультное углубление жизни, лишь проникновение в оккультные тайны жизни даст возможность проникнуть не только к моральным учениям, но и к моральным импульсам, и моральным источникам жизни.

И тогда, конечно, один единственный взгляд покажет нам, что это моральное отнюдь не всегда проводится в жизнь так просто, как это можно было бы подумать с известной удобной точки зрения. На некоторое время мы пока оставим в стороне - всё, что называется "моральным" в наше время и попробуем рассмотреть жизнь людей в таких областях, где мы сможем, быть может, добыть многое для этого морального воззрения на жизнь.

Среда многого, что нам уже принёс оккультизм, не самым мало важным будет познание того, что у различных людей в различных областях Земли имели значение самые разнообразные воззрения, самые разнообразные импульсы. Сравним две стоящие далеко друг от друга области человечества. Вернёмся назад к достойной почитания жизни древних индусов и рассмотрим, как постепенно она развивается до новейших времён; ибо вы знаете, мои милые друзья - антропософы, что ни в одной известных нам областей жизни на Земле не применим в такой высокой мере как

в Индии тот факт, что самое характерное с древнейших времён сохранилось вплоть до новейших времён. Ни в одной области это не применимо в такой большой степени как в жизни индийской и некоторых других азиатских культур. Сохранились вплоть до новейших времён чувства, ощущения, мысли и воззрения, которые мы находим в этих народных областях в самые наидревнейшие времена. И впечатление от этого отблеска древних времён, ещё сохранившегося в этих культурах, настолько сильно, что когда мы всматриваемся в то, что сохранилось до нашего времени, то мы как бы видим в то же время и сами эти древние времена.

Но с конкретными определёнными народными областями мы уйдём недалеко, если с самого же начала будем прилагать к ним лишь наш собственный масштаб. Поэтому мы оставим пока в стороне то, что можно было бы сказать о моральной стороне этих времён, и спросим лишь, что создалось из этих характерных особенностей древней, достойной почитания, индуистской культуры.

Прежде всего мы находим там, как почитаемое выше всего, как наиболее священное, то, что можно назвать "молитвенным настроением и преданностью духовному". И эту самоотдачу, эту преданность духовному мы находим тем более священной и тем более почитаемой, чем больше человек способен углубляться в самого себя, тихо жить в себе, и, отвернувшись от всякой деятельности во внешнем мире, отвернувшись от всего, чем может быть человек на физической плане. Лучшее, что в нём есть, устремить к первоосновам духовных миров, это молитвенное настроение, это устремление души к первоосновам бытия. Мы видим как наивысший долг у тех, кто принадлежал или принадлежат к высшей касте индусской жизни - у брамминов.

Всё, что они делают, все их импульсы основаны на этом молитвенном настроении и нет ничего, что производило бы более глубокое впечатление на нравственные ощущения и чувства этих людей, чем это молитвенное устремление к Божественно - Духовному, в забвении о своём физическом, в интенсивном глубоком самонаблюдении и самообличении. О том, насколько нравственная жизнь этих людей проникнута только что указанным элементом, вы можете судить по тому факту, что члена остальных каст, особенно в более древние времена, признавали само собой разумеющимся то, что каста молитвенного благоговения, каста религиозной и ритуальной жизни рассматривается как нечто избранное и достойное почитания. Таким образом вся жизнь была пропитана этими, характеризованными выше импульсами, устремления к Божественно - Духовному. Вся жизнь стояла на служении этому устремлению и путём общих моральных принципов, основанных какой-либо философией, нельзя понять того, о чём здесь идёт речь. Этого нельзя понять по той причине, что в те времена, когда

в древней Индии было такое развитие, оно прежде всего было невозможно у других народов. Для этих импульсов необходим был темперамент, а основной характер этого народа, дабы иметь возможность развиваться с такой интенсивностью. Потом, с течением внешнего культурного потока они излились оттуда и распространились по всей Земле.

Если мы хотим понять то, что подразумевается под Божественно - Духовным, то мы должны обратиться к этому первоисточнику. Но теперь отведём взор от этого народа и обратимся к другому. Обратим наш взор на европейскую область. Направим взгляд на европейские народы тех времён, когда христианство ещё не проникло в европейскую культуру, когда оно лишь начинало проникать туда. Вам всем известно, что христианству, которое проникало в Европу с Востока и с Юга, как бы противостояли европейские народы с совершенно определёнными импульсами, с совершенно определёнными внутренними ценностями и силами; а тот, кто изучал историю введения христианства в Европе, и Средней Европе, а также и здесь на севере, особенно тот, кто изучал его оккультными средствами, знает, чего стоило тем или иным христианским импульсам найти

в той или иной области согласование о том, что шло навстречу христианству со стороны северной и Средней Европы.

И теперь мы спросим, как спросили при упоминании индусских народов: какие же нравственные импульсы были преимущественно принесены навстречу христианству, как моральное добро, как моральное наследие со стороны тех народов, чьими потомками является современное европейское население, именно население Северной и Средней Европы и Англии? Вам нужно назвать лишь одну из главных добродетелей, и мы сейчас же увидим, что тем самым мы указали на нечто характерное для этого северного населения и населения Средней Европы. Вам нужно только произнести слово "храбрость", "мужество", выступление со всей личной человеческой силой, чтобы осуществить в физическом мире то, что человек может хотеть из своих самых внутренних импульсов, и тогда мы назовём самые главные добродетели, принесённые европейцами навстречу христианству. Все же остальные добродетели являются, в сущности говоря, следствиями этих добродетелей - как мы видим это тем яснее, чем дальше возвращаемся в давние времена.

Если мы рассмотрим истинное мужество, истинную храбрость в их основных свойствах, то мы найдём, что они состоят из той внутренней полноты жизни, которую можно истратить. Это и есть то, что больше всего бросается в глаза нам в древние времена, именно у европейских народов. Такой человек, каким был член древнего европейского населения, имеет в себе самом больше, чем это нужно ему для личного употребления. И он расходует это "большее", потому что у него есть импульс расходовать его. Он

совершенно инстинктивно следует импульсу: тратить то, что у него слишком много. Можно было бы сказать, что ни в чём другом не был так расточителен древний европейский северянин, как в том, чтобы из своего морального избытка, из своей способности и годности к делу изливать жизненные импульсы на физический план. Это было воистину так, словно люди европейской древности, каждый отдельный из них, принёс с собою совершенно определённую полноту силы, которая была больше, чем это было нужно человеку для его собственного употребления, и из которой он мог бы употреблять на нравственные деяния, на деяния тех древних добродетелей, которым в новое время отведено место среди так называемых недобродетельных качеств; он употреблял их, например, на то, что называется "великодушием". Поступать вз великодушия - это опять - таки нечто столь же характерное для древнего европейского населения, как действие из молитвенного настроения характерно для древнего индусского населения.

Принципы теоретические, моральные положения были бы ни к чему европейскому населению древнего времени, потому что оно не поняло бы их: читать моральные проповеди человеку европейской древности было бы то же самое, что человеку, который не любит считать, давать советы, со всей точностью записывать свои доходы и расходы. Раз он этого не любит, то ему нужно только одно: не иметь нужды в этом записывании, то есть, чтобы у него было достаточно денег для того, чтобы иметь возможность их тратить, Он может избежать заботливого ведения счёта в том случае, если у него есть неисчерпаемые источники. Это вовсе не маловажное обстоятельство; теоретически оно безусловно имеет смысл по отношению к тому, что человек считает ценным для жизни в отношении личной стойкости, личной инициативы.

Моральному чувству древнего европейского населения это казалось правильным устройством мира. Каждый получал, так сказать, свою часть Божественного Наследства, чувствовал себя преисполненным Им и тратил его на служение племени, на служение семье, а также на служение более обширным, народным связям. Так поступали, так устраивали жизнь, так работали.

Теперь мы указали на две области человечества, весьма отличающиеся друг от друга, ибо чувство благоговения, присущее индусам, совершенно отсутствовало у европейского населения. Потому-то Христианству и было так трудно привить его молитвенное чувство европейскому населению. Здесь имелись совсем иные предпосылки.

Теперь же, после того, как мы рассмотрели эти вещи, независимо от всех возражений морали, спросим себя о моральном результате. Тогда не потребуется долгих размышлений, чтобы увидеть, что это моральное действие было

бесконечно велико там, где оба мирозерцания встретились в своей наиболее чистой форме. Бесконечно много дано миру тем, что может быть приобретено лишь благодаря тому, что существовал народ, подобный индусскому с его склонностью к молитвенному настроению и с его устремлением к наивысшему. Но бесконечно много дано миру и тем - это можно подтвердить подробностями - что породили храбрость и мужество европейских людей древнего, дохристианского времени. Оба эти элемента должны были действовать совместно и оба элемента дали моральный результат, относительно которого мы увидим, что он продолжает действовать ещё и поныне и что он с обеих сторон послужил на пользу не какой-либо одной части человечества, а всему человечеству: он жил во всём, что человечество считает наивысшим, во всём жил этот результат, как древне-индусского настроения индуизма, так равным образом, древнего германства.

Итак, можем ли мы без дальнейших рассуждений сказать: то, что содержит в себе этот моральный результат, для человечества есть добро. Без сомнения мы можем оказать это. В обоих культурных течениях оно является добром, в обоих течениях оно является чем-то таким, что мы можем назвать добром. Но если вы должны определить, что же есть добро, то мы опять оказываемся перед загадочным вопросом: что такое это добро, которое действовало и в том и в другом случае? Я не хотел бы читать вам моральные проповеди, потому что я не считаю это своей задачей. Напротив, своей задачей я считаю изложение фактов, которые приводят к Антропософской Морали. Поэтому я прежде всего привёл две суммы фактов, относительно которых я прошу вас обратить внимание лишь на то, что дело молитвенного настроения и дало храбрости моральное действие на культурное развитие человечества.

Теперь обратим внимание на другие времена. Если вы обратите внимание на нашу современную жизнь с её нравственными импульсами, то, само собой разумеется, вы себе скажете: в наше время мы не можем быть такими - по крайней мере в Европе - как этого требует чистейший идеал древней Индии, потому что нельзя продолжать европейскую культуру при помощи индусского молитвенного настроения; но равным образом невозможно было бы достигнуть того, чем является культура в настоящее время, и при помощи древней, наивысше всего почитаемой добродетели - храбрости европейского населения. И без дальнейшего пояснения становится ясно, что в глубоких моральных ощущениях европейского наследия лежит ещё нечто иное. Итак, мы должны найти ещё нечто иное, чтобы иметь возможность ответить на вопрос: что есть добро? Что есть добродетель?

Я часто указывал на то, что мы должны различать ту эпоху, которую мы называем греко - латинским четвертым после - атлантическим периодом, от той эпохи, которую мы называем

пятым после-атлантическим культурным периодом, в котором мы живём в настоящее время. Собственно говоря, то, что я хочу сказать о моральной сущности, должно характеризовать возникновение пятого послеатлантического культурного периода. Начнем о одной вещи, которую вы можете сначала считать за спорную, потому что она взята из мира поэзии, из мира сказаний. Однако, она замечательна для того способа, каким новые моральные импульсы стали воздействовать и вливаться в людей в те времена, когда вступило в свои права развитие нашей пятой после-атлантической культуры.

Был один поэт, живший в конце XII и в начале XIII века. Он умер в 1213 г. и носил имя Гартман фон дер Ауэ. Этот поэт создал свою самую значительную поэму - поэму "Бедный Генрих" - всецело в духе образа мыслей и событий тогдашнего времени, а именно, исхода из воззрения, которое в те времена жило в народе повсеместно. Эта поэма в высшем смысле выражает отношение к некоторым моральным импульсам со стороны известных кругов и слоев общества того времени. Содержание поэмы следующее: жил бедный Генрих как богатый рыцарь (потому, что прежде он был не бедным Генрихом, а высокопоставленным рыцарем), он не обращал никакого внимания на то, что чувственные вещи физического плана тленны и преходящи, он жил настоящим днём и очень скоро создал себе дурную Карму. И вот его постигает то, что тогда называлось проказой: он ходит к самым знаменитым докторам всего тогдашнего мира, но ни один из них не может ему помочь; тогда он считает свою жизнь погибшей и продаёт свои имения. Со своей болезнью он не может жить среди ладей, поэтому он живёт в стороне от них одиноко в усадьбе на попечении старого преданного слуги, который ведёт хозяйство, и на попечении его дочери. Однажды дочь и вообще вся семья в усадьбе получает весть, что только одно и может помочь рыцарю, которого настигла такая судьба. Никакой доктор, никакое лекарство не могут помочь ему, лишь если чистая девушка с любовью пожертвует для него своей жизнью, станет возможным выздоровление. Несмотря на уговоры родителей самого рыцаря Генриха, что-то происходит с дочерью, что заставляет её думать: это она, которая должна пожертвовать собою. Тогда она отправляется в Салерно, в самую знаменитую медицинскую школу того времени. Она не отступает ни перед чем, чего требуют от неё врачи, она готова пожертвовать своей жизнью. Но рыцарь не даёт делу зайти так далеко, он вмешивается и возвращается домой вместе с нею. Но поэма рассказывает нам, что приехав домой рыцарь действительно начал понемногу выздоравливать и что потом он ещё долго жил с той, которая захотела стать его спасительницей, и достиг счастливого заката жизни.

Конечно, мы можем сказать: во-первых, это поэма, и нам не нужно буквально верить фактам, которые в ней сообщаются. Однако дело станет совсем иным, если то, что некогда

средневековый поэт Гартман фон дер Ауэ рассказал в своей поэме, мы сравним с тем, что действительно произошло, как вам известно, с жизнью и деяниями одного, достаточно известного человекаю Я подразумеваю здесь сравнение того, что хотел изобразить Гартман фон дер Ауэ, с жизнью Франциска Ассизского, родившегося в 1182 г. и жившего в то время в Италии.

Чтобы охарактеризовать то морально-личное, что происходит в данном случае, как бы сконцентрированным в личности Франциска Ассизского, мы попробуем провести перед Вашей душой так, как оно является оккультисту, хотя бы нас и сочли за это глупыми и суеверными. Отнесёмся серьезно к этим вещам, потому что в то переходное время они имели весьма серьёзное воздействие.

Мы знаем, что Франциск Ассизский был сыном итальянского купца Бернандоне, который много ездил по своим торговым делам во Францию, со своей женой. Мы также знаем, что отец Франциска Ассизского был человеком, придававшим большое значение внешнему. Мать была благочестивой женщиной с нежным характером, набожная и жившая своими религиозными чувствами. Всё, что проповедуется в форме сказания о событиях, проходивших вокруг рождения и жизни Франциска Ассизского, вполне соответствует оккультным фактам. Хотя оккультные события и облакаются часто историей в образы и легенды, тем не менее, эта легенда соответствует оккультным фактам. Так, безусловно верно, что целому ряду лиц перед рождением Франциска Ассизского открылось как бы откровение в видениях о том, что должна родиться великая личность. Из большого числа лиц, которым снилось это, которые имели пророческое видение о рождении великой личности, внешняя история отметила св. Хильдегарду. Я ещё раз замечу, что эта правда, которая подтверждается исследованиями хроники - Акаши. Ей снилось, что ей явилась женщина с измученным, окровавленным лицом и что эта женщина сказала ей: "Птицы имеют здесь на Земле свои гнёзда, лисицы имеют в земле свои норы. У меня же нет ничего в настоящем, даже посоха, чтобы было на что опереться". Когда св. Хильдегарда проснулась от этого сна, она знала, что под этим образом подразумевается истинный образ христианства. И так снилось ещё многим другим людям. И из того, что они могли тогда знать, эти люди видели, что внешнее устройство и утверждение церкви не могут быть истинным хранилищем оградой истинного Христианства. Они поняли это.

Однажды один странник - это тоже действительный факт - когда отец Франциска Ассизского был по дедам во Франции, пришёл в дом Пики, матери Франциска Ассизского и прямо сказал ей: "В этом доме, где избыток, ты не можешь произвести на свет ребёнка, которого ожидаешь. Ты должна родить его в хлеву, ибо он должен лежать на соломе, чтобы следовать своему Учителю". Это приказание действительно было обращено в матери

Франциска Ассизского, и это вовсе не легенда, а правда, что мать могла это выполнить, так как отец был во Франции: таким образом рождение Франциска Ассизского произошло в хлеву и на соломе.

Верно и другое. Когда ребёнок уже родился, в это, совсем немногочисленное местечко пришёл странник, которого никогда раньше не видели здесь, как никогда не видели и позже. Он ходил по улицам и говорил: "В этом городе родился важный человек". В то же время люди, которые ещё могли вести правильную визионарную жизнь, слышали звон колоколов во время рождения Франциска Ассизского.

Можно было бы привести ещё целый ряд явлений. Но мы удовольствуемся этими, которые приведены, чтобы показать, как значительно сконцентрировалось всё в духовном мире по случаю появления единичной личности того времени. Всё это становится для нас особенно интересным, если мы примем во внимание ещё нечто. У матери была особая мысль, ребёнок должен называться "Иоанном", поэтому ему было дано имя Иоанн. Только когда вернулся из Франции отец, он дал своему сыну имя "Франциск" на том основании, что во Франции хорошо шли его торговые дела. Но первоначально ребенок был назван Иоанном.

Теперь нам нужно указать лишь на некоторые подробности из жизни этого удивительного человека, и прежде всего на годы его молодости. Что за человек выступает перед нами в лице Франциска Ассизского, если мы возьмём его в детские его годы? Перед нами человек, являющийся - это не покажется нам странным, если принять во внимание смешение народов вследствие переселения с севера ~ как бы потомком древнего германского рыцарства. Храбрый, воинственный, мечтающий оружием завоевать честь и славу: это было как раз то, что оказалось у него как наследственность и что проявилось в отдельной личности Франциска Ассизского, как расовое свойство. Можно сказать, что те свойства, которые существовали у давних германцев в более душевной сердечной форме, у него выступают более внешне, так как он был именно тем, кого называют "расточителем". Он расточительно обращается с обильным имуществом отца, богатого и крупного по тому времени торговца. Везде и щедро он расточает его имущество, плоды отцовской работы. Его рука всегда полна для всех его товарищей и сверстников. Нет ничего удивительного, что во всех детских играх товарищи всегда выбирают его предводителем, и что рос он так, что на него смотрели как на настоящего воинственного мальчика. Таким он был известен и всему городу. Между мальчиками местечек Ассизи и Перуджии бывали всякого рода ссоры, он тоже принимал в них участие, и случилось, что вместе со своими товарищами он попал в плен и оставался в плену. И он не только рыцарски перенёс плен, но как истинный рыцарь веселил и поддерживал всех остальных, пока, наконец через год они не смогли вернуться домой. Когда же должен был быть предпринят

необходимый, с точки зрения рыцарства, военный поход против Неаполя, случилось так, что этому молодому человеку было во сне видение. Он видел огромный дворец. Там повсюду было оружие, щиты; ему снилось здание, наполненное хранившимся оружием. Такой сон приснился ему, ему, который видел лишь разные сукна в лавке своего отца. Поэтому он сказал себе: это тебе указано стать военным человеком. И он решил присоединиться к военному походу на Неаполь. Уже во время сборов, а ещё больше, когда он уже присоединился к походу, он получил душевные впечатления, духовные видения. Он как бы слышал голос, который говорил: "Не ходи дальше, ты неверно истолковал вещей для тебя сон. Вернись в Ассизи и ты поймешь, как должен объяснить себе его правильно".

Он последовал этим словам, вернулся в Ассизи, и вот в нём происходит как бы внутренний диалог с существом, которое духовно говорило с ним и сказало ему: "Не во внешней службе должен ты искать своё рыцарство. Тебе предназначено все силы, какие ты имеешь развить, преобразить в силы душевные, претворить в оружие, которое ты должен применить. Всё оружие, которое явилось тебе во дворце, означает для тебя душевно-духовное оружие милосердия, сострадания и любви. Все щиты означают для тебя рассудок, чтобы устоять против тяжести жизни, посвящённой милосердию, состраданию и любви. Затем последовала короткая, хотя и не безопасная болезнь, от которой он однако выздоровел. Тогда наступило для него нечто вроде пересмотра всей прежней жизни и так он прожил много дней. Рыцарь, стремящийся в своих смелых мечтах стать лишь военным героем, как бы переродился в человека, стремившегося теперь до самого конца провести в жизнь моральные импульсы милосердия, сострадания и любви... Все силы, которые он должен был отдать на служение физическому плану, превратились в моральные импульсы внутренней жизни.

Здесь мы видим, как до известной степени освобождается моральный импульс в отдельной личности. Не лишено значения, что мы рассматриваем именно великий моральный импульс, ибо если даже отдельный человек и не всегда может подняться до высших вершин моральных импульсов, то научиться им можно всё же лишь там, где эти импульсы выражаются коренным образом и где мы видим действие их наибольшей силы. И тогда мы обращаем наше внимание на это главное, и мелкое рассматриваем в том свете, который нам светит из этого главного, из этого великого, именно тогда мы и приходим к правильному воззрению на моральные импульсы жизни.

Что же такое произошло с Франциском Ассизским? Излишне излагать борьбу, которую он имел со своим отцом, когда перешёл к совершенно иному способу расточительства. Расточительность, при которой имелся в виду так же и дом отца, потому что эта

расточительность сына вела к уважению и славе, эту расточительность отец ещё понимал, он не мог понять, когда его сын после своего обращения побросал все свои лучшие одежды, оставив лишь самое необходимое, и раздавал их тем, кто нуждался. Он не мог понять, каким образом с его сыном произошёл такой переворот, что он стал говорить: "Удивительно, как мало уважают тех, через кого христианские импульсы получили в западных странах столь многое..." После того, он пошёл пилигримом в Рим и положил большую сумму денег на могилы апостолов Петра и Павла... Этого отец не понимал. Нет надобности описывать борьбу, которая здесь происходила: мне нужно лишь указать на то, что для Франциска Ассизского в этом сгруппировались все моральные импульсы. И эти, таким образом сконцентрировавшиеся импульсы, превратили храбрость в нечто душевное, они развились настолько, что они стали особыми представлениями в медитациях и они являлись ему как крест с Распятием на нём. В таких состояниях он чувствовал внутренние личные отношения ко Кресту и ко ХРИСТУ, и от этого притекали к нему силы, благодаря которым он мог неизмеримо увеличивать эти, понижающие его теперь моральные импульсы.

Удивительное применение он нашёл теперь для того, что в нём развилось. В те времена во многих европейских странах был сильно распространён страх перед проказой. Внешнее церковное исповедание находило странный способ лечения для этих прокажённых, которых в то время было очень много. А именно, священник призывал к себе такого прокажённого и говорил ему: "В этой жизни ты поражён этой болезнью: но именно потому, что ты потерял для этой жизни, ты приобрёл для Бога, ты посвящён Богом". И затем его отсылали в уединённые от людей места, где он и должен был доживать жизнь одинокий и покинутый.

Я не хочу высказывать какие - либо порицания такому лечению. Другого, лучшего не знали. Но Франциск Ассизский знал лучшее. И на это мы указываем потому, что это приведёт нас из непосредственного опыта к моральным источникам. В последующие дни вы увидите, почему мы говорим об этих вещах. Франциска Ассизского они привели как раз к тому, чтоб отыскивать везде всех прокажённых и ничего не бояться при общении с этими людьми. И действительно, то, чего не могли вылечить никакими средствами того времени и что вызывало необходимость выбрасывать людей из человеческого общества, Франциск Ассизский исцелял в многочисленных случаях, потому что он подходил к ним с силами, которые жили в его моральных импульсах, которые заставляли его забывать всякий страх и скорее давали ему мужество не только заботливо очищать имеющиеся у таких людей поражённые места, но и жить с ними, интенсивно ухаживать за ними, даже целовать их и понижать своей любовью. Исцеление Бедного Генриха дочерью верного слуги - не простой поэтический вымысел: здесь

выражено то, что много раз случалось благодаря исторически хорошо известной личности Франциска Ассизского. Подумайте хорошенько над тем, что происходило в данном случае? Произошло то, что в таком человеке, каким был Франциск Ассизский, имелся огромный запас психической жизни, как нечто, что мы находим в древнем европейском населении, как мужество и храбрость, претворившиеся в духовно - душевное и действовавшие как таковые. И то что действовало в древние времена, приводит к личной расточительности и обнаруживалось в молодости Франциска Ассизского, и теперь привело его к тому, что он стал расточителем моральных сил. Он был преисполнен нравственной силы, и она действительно переходила на тех людей, на которых он обращал свою любовь.

Почувствуйте хорошенько, что это - реальность, такая же реальность, как реален воздух, которым мы дышим и без которого мы не можем жить. Такой реальностью является то, что струилось через все члены Франциска Ассизского и вливалось во все сердца, которым он посвящал себя, так как Франциск Ассизский расточал полноту всю, которая струилась из него, это и есть то, что влилось во всю зрелую жизнь Европы и слилось с ней и что претворилось в душевное, и таким образом, действовало и во внешней действительности.

Попробуйте подумать над этими фактами, которые сначала покажутся быть может не имеющими ничего общего с существующими моральными вопросами: попытайтесь охватить то, что лежит в молитвенном настроении индусов и северном мужестве: попробуйте подумать над целительным действием таких нравственных сил, какие были применены Франциском Ассизским - и тогда завтра мы сможем говорить о том, что такое реальные моральные импульсы: и тогда мы увидим, что это были не только слова, но реальности, которые творят в душе и основывают мораль.

Лекция 2

29 мая 1914

Я уже отметил вчера, что всё, что будет сказано здесь относительно Антропософских моральных основоположений и импульсов, должно опираться на факты, поэтому мы пытались припомнить некоторые факты, которые могут показать эти моральные импульсы в их наиболее высоком значении.

У такой личности как Франциск Ассизский особенно бросалось

в глаза и было особенно ясно, что должны были действовать сильные, могучие, моральные импульсы, чтобы мочь привести эту индивидуальность к её деяниям, ибо, мои милые друзья - антропософы, какие это деяния? У Франциска Ассизского они таковы, что в высочайшем смысле слова они являют моральное. Прежде всего Франциск Ассизский был окружён людьми с очень тяжёлыми болезнями, для которых остальной мир того времени не знал никакой помощи. У Франциска Ассизского его нравственные побуждения действовали не только так, что многие из этих тяжело больных находили в своей душе нравственную опору и великое утешение - это было, конечно, достижимо для многих, - но для многих было также достижимо и то, что эти нравственные импульсы, эти моральные силы, исходящие из Франциска Ассизского, оказывали даже исцеляющее действие, когда вера, доверие этих больных были достаточно велики.

Чтобы иметь возможность ещё глубже проникнуть в вопрос: откуда исходят моральные импульсы?" - мы должны спросить себя как раз о такой личности как Франциск Ассизский; каким образом случилось, что он мог развить такие моральные силы? Что, собственно, произошло с ним? И мы должны оглянуться ещё дальше назад, если хотим понять, что, собственно, действовало в его душе этого необычайного человека. Вспомните, мои милые друзья - антропософы, что давняя индусская культура была связана с известным делением людей - с делением людей на четыре касты, и что высшей кастой у индусов была каста браминов, охранителей мудрости. Обособленность этих каст в древней Индии была настолько велика, что, например, священные книги могли читаться лишь браминами и отнюдь не членами других каст. Вторая каста - воины - могла лишь слушать эти учения, содержащиеся в Ведах или в выдержках из Вед, в Ведантах. Объяснить какие - либо места из Вед, иметь какое-либо мнение о том, что означают Веда — смели только брамины. Остальным людям строго воспрещалось иметь мнение о том, что содержалось в священных книгах как сокровище мудрости.

Вторую касту составляли те люди, на которых лежала забота о военных делах и об управлении страной, затем существовала третья каста: торговцы и ремесленники, и четвёртая - собственно, работающая каста. И, наконец, совершенно пренебрегаемый народный слой, парии, которых настолько не уважали, что например, брамин чувствовал себя осквернённым уже если он наступал лишь на тень, отброшенную парием. Он должен был исполнять известный очистительный обряд, если он наступал на тень столь нечистого человека, каким считался парий. Итак, мы видим, как удивительно здесь разделены на четыре, так сказать, признанные касты и на касту, непризнаваемую совершенно. И если мы теперь спросим себя: соблюдались ли такие строгие правила в Индии - то мы должны будем ответить: они соблюдались со всей строгостью. И в то время как в Европе уже

господствовала греко - латинская культура, в Индии ни один из принадлежащих к касте воинов не осмелился бы иметь собственное мнение о том, что содержалось в священных книгах, в Ведах. Каким образом произошло, что появилось такое расчленение людей? Почему, собственно, появилось оно на свет? Замечательно то, что это расчленение людей на касты мы находим как раз у самого выдающегося народа человеческой древности. у того народа, который в сравнительно ранние времена переселился из древней Атлантиды в Азию, и который сохранил из этого древнего атлантического времени величайшие сокровища мудрости и знания. Это кажется удивительным, Как можем мы понять и постигнуть это? Казалось бы, что факт выделения одной группы людей, хранящей высочайшее добро, тогда как остальные люди уже самим своим рождением предназначаются к низшим положениям, - противоречит всей мудрости и добру мирового порядка, Мирового Водительства. Это можно понять только, заглянув в тайны бытия, потому что бытие, развитие, мои милые друзья - антропософы, возможно лишь через дифференциацию и расчленение и, если бы все люди захотели достигнуть того развития мудрости, которой достигла каста браминов, то достигнуть её не смог бы никто. Именно нельзя говорить: Божественному Миропорядку, Божественному управлению противоречит то, что не все люди одинаковым образом достигли наивысшей мудрости, потому что это бы имело не больше смысла, чем требовать, например, от бесконечно мудрого и бесконечно всемогущего Божества, чтобы Оно создало треугольник из четырёх углов - никакое Божество не могло бы сделать треугольник иначе, чем из трёх углов. То, что внутренне в духе установлено и определено, должно соблюдаться также и Божественным Миропорядком: и то, что развитие должно происходить путём дифференциации и то, что известные группы людей должны обособляться для того, чтобы могло иметь место известное с войство человеческого развития, является столь же строгим законом развития, как и закон границ пространства, а именно, что треугольник может иметь только три угла. Сначала на известное время другие люди должны быть исключены. Это является законом не только для всего развитая человека, но и законом для развития вообще. Рассмотрите когда-нибудь человеческий облик, вы сразу согласитесь, что наиболее ценным, имеющим наибольшее преимущество частями в человеческом облике являются кости головы. Но почему головные кости смогли стать головными костями и оболочками благородного органа мозга? В смысле задатков каждая кость, имеющаяся в человеке, может стать костью головы. Но для того, чтобы некоторые кости из общей костной системы могли достигнуть этой высоты развития, то есть сделаться передней или задней оболочкой головы - берцовые кости или кости колен должны остаться на низшей ступени развития, ибо

любая берцовая кость или коленная, имеет в себе совершенно такие же задатки стать головной костью, как и те, которые действительно стали ею. Так происходит вообще в мире. Развитие вперед возможно только потому, что одно отстаёт, а другое продвигается вперед и даже превосходит пределы известного момента развития: итак, можно сказать, что брамины перешли предел известного среднего развития, низшие же касты, напротив, отстали.

Когда наступила атлантическая катастрофа, то из Атлантиды, того древнего континента, который находился на месте теперешнего Атлантического океана, люди постепенно переселились на Восток и заселили страны, известные теперь под именами Европы, Азии и Африки. Мы оставались в стороне от тех из них, которые потянулись на Запад и потомки которых были найдены затем при открытии Америки. Когда разразилась атлантическая катастрофа, то выселились не только те четыре касты, которые осели в Индии. Выселились не только эти четыре касты, постепенно дифференцировавшиеся в Индии — всего было семь каст, которые переселились из древней Атлантиды на Восток.

Четыре же касты, которые приобрели значение в Индии, представляют собой четыре наших касты. Кроме пятой, с которой совершенно не считались И которая составляла в Индии как бы переходную субстанцию населения - кроме этой пятой касты, то есть париев, были и другие касты, которые не пришли в Индию, а остались в разных местностях Европы, передней Азии и особенно в Африке. Следовательно дело обстояло так, что в Индию переселились только избранные касты, в Европе же остались те, которые обладали совсем иными свойствами, нежели люди, дошедшие до Индии.

Да, понять то, что происходило впоследствии в Европе, возможно только тогда, когда знаешь, что передовые для того времени части человечества продвинулись именно в Азию, а в Европе осталась, как преобладающая масса населения, те люди, которые давали возможность совсем особых инкарнаций. Если мы хотим понять, каковы были эти совсем особые воплощения душ в древнейшие времена Европы у большой массы населения, то мы должны припомнить одно своеобразное событие атлантических времён, а именно: в известное время древнего атлантического развития случилось так, что великие тайны бытия, великие истины бытия, истины, гораздо более значительные, чем все те, до которых поднялось даже после-атлантическое население, не сохранилось в пределах узких кругов и школ, а были выданы громадным массам атлантического населения. Громадные массы атлантического населения благодаря этому получали знание о Мистериях в оккультных истинах, до которых они ещё не созрели. И тогда их души впали в то состояние, которое было состоянием морального упадка, так что на пути добра, на пути морального,

остались только те, которые и переселились впоследствии в Азию.

Но и это, мои милые друзья, антропософы, мы не должны себе представлять так, как-будто всё европейское население состояло лишь из таких людей, в душах которых были индивидуумы, претерпевшие под влиянием соблазна атлантических времён, моральное отпадение, в этом европейском населении повсюду были вкраплены другие люди, отставшие при великом переселении в Азию, но имевшие руководящую и направляющую роль: таким образом дело было так, что по всей Европе в передней Азии и Африке мы имеем людей, которые принадлежали, так сказать, просто к расам или кастам, которые допускали жить в своих телах этим соблазнённым душам, но, кроме того, имелись и другие люди, тоже оставшиеся здесь и не ушедшие в Азию, но которые могли взять на себя водительство и которые являлись душами лучшими и более широко развитыми.

В древние времена, то есть в те времена, когда развивалась индуская и персидская культуры, лучшими местами для этих душ, принявших на себя водительство, были преимущественно места северной Европы, те страны, в которых существовали и самые древние европейские Мистерии. Там существовали своего рода охранительные учреждения по отношению к тому, что произошло раньше в древней Атлантиде. В древней Атлантиде искушение для описанных душ явилось вследствие того, что им была выдана мудрость Мистерий и оккультные истины, до которых они ещё не созрели. И потому в европейских Мистериях приходилось тем более охранять и защищать достояние мудрости. Поэтому те люди, которые являлись истинными вождями мудрости в Европе, в после - атлантическое время держались совершенно незаметно (в тени), и, как строгую тайну хранили то, что получили: итак: можно оказать, что в Европе существовали люди, которых можно сравнить с браминами Азии. Но с внешней стороны эти европейские брамины никому не были известны, как таковые: священные тайны они держали в строжайшем смысле слова закрытыми в Мистериях, чтобы не могло повториться того, что уже случилось однажды в атлантическое время с населением, среди которого и были рассеяны эти вожди. Только благодаря такому наистрожайшему охранению мудрости, души могли в известной степени подняться. Ибо дифференциация происходит не так, что какая-нибудь часть человечества уже наперёд предназначена занять низшее положение, чем другая - но так, что то, что понижается к одному определённом времени, должно снова развиваться вверх в другое время.

Но для этого должны быть созданы условия. Поэтому произошло то, что в Европе существовали души соблазнённые, утратившие моральную цельность и среди них мудрость действовала из глубины скрытых источников. Но и другие касты из переселившихся в Индию тоже оставили в Европе своих членов, и члены второй индусской касты - воины - были как раз

теми, которые достигли главным образом власти в Европе. В то время как мудрецы, то есть те, которые соответствовали индусским браминам, держались совершенно в тени и давали свои советы из скрытых мест - воины вышли в народ, чтобы улучшить его по советам этих древних европейских жрецов. В народ вышли те люди, которые обладали воинственными наклонностями. Эта вторая каста имела величайшую власть в древние времена Европы, но жила она так, что руководство получала от мудрецов, оставшихся скрытыми. Таким образом дело происходило так, что задающими тон, наиболее значительными личностями в Европе были именно те, которые блистали такими качествами, какие были упомянуты вчера, то есть храбростью и мужеством. Итак, между тем как в Индии у браминов мудрость сияла благодаря тому, что они излагали и объясняли священные книги, - в Европе было так, что более всего ценились мужество и храбрость, и люди знали лишь, где они должны черпать Божественные тайны, проникаясь которыми, они тогда и являли храбрость и силу духа.

На протяжении тысячелетий мы видим культуру Европы, протекающей таким образом и видим, как души постепенно становятся возвышеннее. Но в Европе, где жили души, бывшие, в сущности, потомками наследия, прошедшего через соблазны, не могло развиться правильного взгляда индусов на кастовую сущность. Души воплощались без разбора. Того расчленения, той дифференциации на касты, какое существовало в Индии, не наступило. Скорее наступило разделение на таких людей, которые были вождями, людьми высшего положения, руководящего сословия - позже оно оказалось как руководящий класс в самых различных направлениях - и на таких людей, которыми руководили, которых вели, т.е. ведомое сословие. Ведомое сословие состояло главным образом из тех душ, которым надеждало пробираться вверх.

Если мы будем искать такие души, которые постепенно из этого низшего состояния пробились вверх и которые из душ, подпавших искушению, развились до душ высших, то мы найдём их главным образом в том европейском населении, о котором мало знает история в настоящее время и о котором в исторических книгах вы немного найдёте. На протяжении веков развивалось это население, чтобы подняться на более высокую ступень, чтобы оправиться от удара, постигшего их в древнее атлантическое время. В Азии развитие происходило в форме равномерного поступательного хода культуры, в Европе, напротив, дело шло об исправлении, о замене нравственного падения постепенным моральным совершенствованием.

Так оставалось в течение долгого времени и совершенствование это осуществилось только потому, что в человеческих душах весьма сильное стремление к подражанию и благодаря тому, что люди, которые действовали среди народа как

люди храбрые, рассматривались как идеал и образец, как первые, как те, кого называли князьями, остальные же подражали им. Таким образом нравственность всей Европы была поднята именно благодаря этим человеческим душам смешавшимися с народом в качестве вождей.

Но вследствие этого в европейском населении стало необходимым и ещё нечто другое. Если мы хотим понять это, то мы должны точно различать развитие рас от развития душ. Отнюдь не следует смешивать их между собой. Человеческая душа может развиваться так, что в одной инкарнации она воплощается в определённой расе. Если она здесь приобретает известные свойства, то в позднейшие инкарнации она может воплотиться в совершенно другой расе, так что в настоящее время мы безусловно современники воплощения среди европейского населения таких душ, которые в своих прежних инкарнациях были воплощены в Индии, Китае или Японии. Души отнюдь не остаются при расах. Развитие их представляет собой нечто совсем иное, чем развитие рас. Расовое развитие идёт своим ровным ходом вперёд. Во времена древнего европейского развития было так, что в эти европейские расы переселялись души потому, что не могли попасть в азиатские. Они были принуждены воплощаться в европейские расы. Но души становились всё лучше и лучше, и это привело к тому, что они постепенно перешли в высшие расы, то есть те души, которые раньше были воплощены в низших расах, развились до высшей ступени и впоследствии могли воплощаться в физических потомков руководящего населения Евropy. Физические потомки руководящего населения умножились, стали многочисленнее, чем были первоначально, потому что увеличилось число душ в этом направлении. Итак, сделавшись лучше, они воплощались в руководящем населении Европы, и развитие происходило дальше таким образом, что телесный облик, в котором прежде воплощалось это древнее европейское население, постепенно вымирал как физическая раса. Души покидали эти определённо сформированные тела, которые тогда вымирали. Это и было причиной того, что число потомков в низших расах всё уменьшалось, а в высших становилось всё больше. Мало по малу самые низшие слои европейского населения вымерли совершенно. Таким образом это есть совершенно определённый процесс, который мы должны понять. Души развиваются дальше, тела вымирают. Поэтому мы должны делать различие между развитием душ и развитием рас. Затем эти души появляются в телах, которые происходят из высших рас. Такой процесс не остается без последствий. А именно, когда происходит нечто подобное, то есть, когда в большой области исчезает что-либо, то оно исчезает не в ничто, а растворяется и продолжает существовать в другой форме. Вы поймёте, в каком виде оно остаётся, если вы примете во внимание, что, в сущности говоря, в древние времена при

вымирании худших из населения, о которых я сейчас говорил. Вся область наполнялась постепенно демоническими существами, которые представляли собой продукты растворения того, что вымерло.

Таким образом вся Европа, а также передняя Азия, были завоёваны этими, перешедшими в духовную форму, гниющими продуктами вымершего населения. Эти демоны разложения обладали длительным существованием и впоследствии воздействовали на людей, и таким образом происходило, что эти демоны разложения, пребывающие в духовной атмосфере, приобрели влияние на людей и следствием этого являлось то, что чувства и ощущения позднейшего населения были пропитаны ими. Это лучше всего видно на том, что когда в позднейшие времена, во времена переселения народов, громадные народные массы перешли из Азии в Европу, среди них Аттила со своими толпами, и повергающие европейцев в величайший ужас, то этот ужас сделал людей склонными войти в соприкосновение с тем, что ещё существовало от прежних времён, как такие демонические существа. Благодаря этим демоническим существам, как последствие ужаса, возникшего при переселении азиатских толп, постепенно развилось то, что выявилось как средневековая чума, как проказа. Эта болезнь была ни чем иным, как следствием страха и ужаса, через который прошли люди в те времена. Но это состояние страха и ужаса могло иметь такой результат лишь у тех душ, которые некогда были подвержены этим демоническим силам.

Теперь я дал вам очерк того, как могли людей охватить болезни, которые в общем позже были удалены из Европы, и почему они существовали в такой сальной степени, как раз в описанные вчера времена. Теперь мы видим, как в Европе вымерли те силы, которые должны были вымереть, потому что они не развились дальше, и как ещё и теперь последствия этого проявляются в форме болезни, которой могут быть подвержены люди. Указанная болезнь, проказа, является для нас следствием душевно-духовных причин.

Во всём этом процессе появилась необходимость противодействия. Он мог идти дальше только при условии устранения из европейского развития того, что было сейчас описано. И один из примеров того, как оно устранялось, мы описали вчера, показав - как с одной стороны имеется воздействие неморального, в виде демонов болезней, с другой же - выступают сильные моральные импульсы, как во Франциске Ассизском. Благодаря тому, что у него были эти сильные моральные импульсы, он собирал вокруг себя других, хотя и в меньшей степени, но всё же действовавших в его душе. Собственно говоря, тогда было много людей, действовавших в его духе. Только это продолжалось недолго.

Каким же образом вошла такая душевная сила во

Франциска Ассизского? Так как мы собрались здесь не за тем, чтобы заниматься внешней наукой, но затем, чтобы понять человеческую мораль из оккультных основ, то мы должны остановиться на некоторых оккультных истинах, должны обратить внимание на некоторые оккультные истины. Мы должны спросить себя: откуда собственно, появилась такая душа, как душа Франциска Ассизского? Понять такую душу, какой является душа Франциска Ассизского, мы сможем только тогда, когда заглянем в неё глубже, когда займёмся тем, что жило в её скрытых глубинах. Здесь я должен напомнить вам о том, что древнее разделение индусов на касты, в сущности говоря, получило свой первый удар, свой первый подрыв благодаря буддизму, ибо среди многого другого, что внёс буддизм в жизнь Азии, он принёс также и то, что не признал кастового деления за нечто справедливое, но, насколько это было возможно для Азии, признавал права каждого человека на то, самое высшее, чего человек способен достигнуть. Мы знаем также, мои милые друзья - антропософы, что это было возможно благодаря исключительно великой и могучей личности Будды: мы знаем также, что Будда сделался Буддой в той инкарнации, о которой нам обычно рассказывают, что раньше он был Бодисаттвой, что является ступенью, предшествующей достоинству Будды. Благодаря тому, что на 29-ом году жизни королевский сын Судходаны почувствовал, пережил в себе великую истину о жизни и страдании, благодаря этому он приобрёл величие и право провозгласить среди азиатского мира то, что мы знаем как буддизм.

Но с этим развитием от Бодисатвы к Будде было связано ещё нечто другое, чего мы не должны упускать из виду, а именно тот факт, что эта индивидуальность, которая прошла как Бодисатва через многие инкарнации и поднялась до достоинства Будды, теперь, сделавшись Буддой, последний раз пребывала на Земле в физическом теле. Итак, кто поднимается от Бодисатвы к Будде, тем самым вступает в Инкарнацию, которая является для него последней. С этого момента такая индивидуальность воздействует уже из духовных высот, воздействует только духовно. И таким образом мы имеем перед собой тот факт, что индивидуальность Будды после пятого века до нашего летоисчисления действует уже только из духовных высот.

Но буддизм находит своё продолжение. Буддизм находит возможность влиять известным образом не только на жизнь Азии, но и на духовную жизнь всего известного в те времена мира. Вы знаете, насколько распространился буддизм в Азии. Вы знаете, как велико число последователей, которых он нашёл в Азии. Но в более скрытой, завуалированной форме он находит своё распространение также и в европейской духовной жизни, и прежде всего мы должны указать на то, что та часть великого учения Будды, которая относилась к равенству людей, оказалась особенно подходящей для того, чтобы быть принятой европейским

населением, потому что европейское население было именно воспитано не на кастовом расчленении, а напротив, на отсутствии различий, на равенстве людей.

В те века, которые ещё далеко захватили христианское время, на берегах Чёрного моря основался род тайной школы. Эту тайную школу вели люди, считавшие своим идеалом эту, указанную выше часть учения Будды. И то, что Будда принёс людям, они имели возможность в послехристианские времена осветить в этой тайной школе, как бы осиять новым светом, благодаря тому, что приняли в то же время христианский импульс. Если я хочу описать вам, как смотрит на них оккультист, то вы лучше всего поймёте меня, если я опишу эту тайную школу на берегу Чёрного моря следующим образом.

Там сходились люди, которые сначала имели учителей на физическом плане. Они обучались там учениям и основоположениям, каковыми они вышли из буддизма, но проникнутые теми импульсами, которые пришли в мир через Христианство. Затем, когда они были надлежащим образом подготовлены их приводили к тому, что глубже лежащие в них силы, более глубокие силы мудрости, могли быть извлечены вознесены так, что они достигали ясновидческого созерцания духовного мира, могли жить в духовных мирах. Первое, чего достигали ученики этой тайной школы, было то, что они после того, как воплощённые на физическом плане обучали их этому, могли познавать также и тех учителей, которые уже не опускались более на физический план, например, Будду. Таким образом эти тайные ученики научилась действительно знать лицом к лицу преимущественно "Будду" - если духовно его можно так назвать. Итак, Будда продолжал духовно действовать в тайных учениках и, таким образом, он воздействовал своей силой на физический план, не опускаясь уже больше на него в физическое воплощение. Те, кто были в этой школе, дошли на две категории, смотря по состоянию своей зрелости. Туда выбирались лишь те, кто обладали большой подготовкой, большой зрелостью. Поэтому большинство учеников могло действительно достигать такого ясновидения, что они были способны познавать это существо, всеми своими силами стремившееся привести свой импульс вплоть до физического плана, хотя само оно и не спускалось на этот физический план:они были в состоянии познать во всех его тайнах и во всём, чего он хотел. Большая часть этих учеников осталась именно такими ясновидящими, но другие, наряду с способностями познания, наряду с качествами физического ясновидения, выработали совершенно особый спиритуальный элемент, неотделимый от известного смирения, от известной, высоко развитой способности молитвенного настроения. Эти ученики достигли того, что как раз в этой тайной школе они смогли в исключительной мере воспринять ИМПУЛЬС ХРИСТА. Они смогли сделаться посвящёнными такого рода, что

стали наилучшими последователями Павла и непосредственно в жизни восприняли ИМПУЛЬС ХРИСТА. Таким образом из этой школы произошли две группы. Одна группа, обладавшая импульсом нести повсюду учение Будды, если даже при этом его имя и не называлось, а вторая группа, воспринимавшая к тому же ещё и ИМПУЛЬС ХРИСТА. Разница между этими двумя категориями не проявилась заметно в этой инкарнации, а только лишь в следующей. Те ученики, которые не восприняли ИМПУЛЬСА ХРИСТА, но достигли импульса Будды, сделались учителями равенства и братства людей. Те же ученики, которые получили ХРИСТОВ импульс, были в следующей инкарнации такими, что этот христов импульс продолжал действовать в их физической инкарнации так, что они могли не только учить, - они не смотрели на это как на главную задачу - а действовать именно при помощи своей моральной силы. Один такой ученик названной тайной школы на Чёрном море и был в следующей своей инкарнации

Франциском Ассизским. Таким образом нет никакого чуда, что в нём жила эта мудрость, которую он получил, мудрость человеческого братства, равенства всех людей, необходимость любить всех людей, равно - это учение жило в его душе, его душа была пронизана СИЛОЙ ХРИСТОВА ИМПУЛЬСА. Как же теперь действовал этот Христов Импульс в этой следующей инкарнации? Он продолжал действовать так, что когда в этой следующей инкарнации Франциск Ассизский попал в поселение, в котором совсем особенно действовали старые демоны болезней, о которых мы говорили выше, то Этот ХРИСТОВ ИМПУЛЬС через него приблизился к демонам болезней и принял в Себя, вобрал в Себя то, что было в них дурной субстанцией и избавил от нее людей. Прежде, чем Он сделал это, Он воплотился в эту субстанцию таким образом, что этот ХРИСТОВ импульс во Франциске Ассизском сначала стал видением, тем видением, в котором ему явился дворец и тем видением, в котором от него требовалось взять на себя бремя бедности. Тогда ХРИСТОВ ИМПУЛЬС стал в нём снова живым и изливался из него и настигал этих демонов болезней. Благодаря этому его моральные силы настолько возросли, что смогли уничтожить вредные духовные вещества, порождающие охарактеризованные болезни. Только благодаря этому создалась возможность привести к высшему развитию то, что я вам описал как воздействие древних атлантических элементов - убрать с Земли эти дурные субстанции, очистить от этих субстанций европейский мир.

Рассмотрите жизнь Франциска Ассизского, обратите внимание на то, как своеобразно она протекает. Он родился в 1182 году. Мы знаем, что первые годы жизни человека служат главным образом развитию физического тела. В физическом теле развивается преимущественно то, что появляется на свет

благодаря внешней наследственности. Поэтому у Франциска Ассизского выступает то, что происходит из внешней наследственности европейского населения. Особенности появляются постепенно вследствие того, что с 7 до 14 лет он, как и всякий человек, развивает своё эфирное тело. И из этого эфирного тела появляется главным образом на свет то свойство, которое как ИМПУЛЬС ХРИСТА, непосредственно действовало в нём в Мистериях на Чёрном море. Когда же, начиная с 14 лет, выявляется его астральное тело (см.также "Воспитание ребёнка с точки зрения духовной науки"), то Эта сила Христа особенно оживает в нём благодаря тому, что в само астральное тело вошло нечто, оставшееся связанным с атмосферой Земли со времени СОБЫТИЯ МИСТЕРИИ ГОЛГОФЫ. Франциск Ассизский был такой личностью, которая прониклась и внешней Силой ХРИСТА, так как в предыдущей инкарнации она страстно искала Эту ХРИСТОВУ СИЛУ там, где ЕЁ можно было найти; в том особенном месте Посвящения.

Таким обрезом мы видим, как действует в человечестве дифференциация. Она должна наступить. Но то, что предшествующими событиями оттесняется в глубину, опять извлекается на свет другими событиями в ходе человеческого развития. Ещё раз на другом месте происходит это совсем иное извлечение, которое экзотерически всегда останется непонятным. Поэтому, в сущности, люди справедливо отказывались размышлять об этом. Но эзотерически оно безусловно может найти своё объяснение. Те люди, которые наиболее быстро развивались и поднимались вверх из низших слоёв западного населения, они преодолели постепенно переход через эти самые низшие слои, но не ушли особенно далеко в интеллектуальном отношении и остались сравнительно простыми и наивными людьми, и как бы самыми избранными из них, смогли подняться к определенному времени только благодаря Могучему Импульсу, отразившемуся в них. Были те, которые описаны нами как двенадцать апостолов Иисуса. Это был чистый экстракт тех низших каст, которые не пришли в Индию. Из них должна была быть взята субстанция для ХРИСТА ИИСУСА * : Таким образом мы нашли, так сказать, происхождение моральной

** Этим ничего не говорится о предыдущих или последующих инкарнациях индивидуальностей Апостолов, а только о физической наследственности (предках) тех тел, в которых эти индивидуальности Апостолов воплотились. Необходимо всегда различать линию инкарнаций и линию физической наследственности.*

силы у этой избранной личности, у Франциска Ассизского. Не говорите, мои милые друзья - антропософы, что в смысле обычных человеческих правил было бы несообразно искать, конечно, не для того, чтобы, например, кому-либо предписывать стать Франциском Ассизским. Это отнюдь не подразумевается. Хотелось лишь показать на таком выдающемся примере, каким образом входит моральная сила в человека, откуда она происходит и как её нужно понимать, как нечто совершенно особенное, существовавшее в

человеке изначально. Из сущности всего того, что я вам говорил до сих пор, вы можете понять одно, что мы уже отмечали по отношению к другим силам развития человека, а именно, что человечество прошло через спуск, и теперь снова начался подъём.

Если мы возвратимся назад по пути развития человечества, то, проследим послеатлантическое время, мы придём к атлантической катастрофе, затем вступим в атлантическое время, затем ещё дальше во времена Лемурии. Если затем мы подойдём к исходному пункту земного человечества, то мы придём не только к тому времени, когда люди ещё ближе стояли к Божеству в смысле своих духовных свойств и развивались из духовной жизни, но тогда они исходили также и из нравственности, так что в начале земного развития мы должны отметить не - мораль, (безнравственность), а мораль (нравственность), мораль - это Изначальный Божественный Дар и изначально лежит в человеческой природе подобно тому, как вообще в человеческой природе лежала духовная сила, когда человек ещё не спустился так низко. В сущности говоря, большая часть не - морального вошла в человечество именно описанным выше образом, то есть, вследствие выдачи высших тайн в древнее атлантическое время.

Итак, мораль есть нечто, о чём нельзя говорить так, как будто она лишь выработалась в человечестве, но как о чём - то таком, что лежит в основе человеческой души и что было лишь заслонено, придавлено познейшей культурой. И когда мы рассматриваем это в истинном свете, то мы не можем сказать, например, что не - мораль пришла в мир через ограниченность, скорее - она пришла в мир благодаря тому, что людям, когда они ещё не созрели для того, были выданы тайны мудрости. Именно благодаря этому люди искусились, исказившись и опустившись. Поэтому для подъёма нужно было прежде всего (мы можем понять это уже из сегодняшнего наблюдения) устранить всё, что укоренилось в человеческой душе противного моральным имульсам.

Предположим, что перед нами преступник, то есть человек, которого мы называем не - моральным в высшей степени: мы отнюдь не должны думать, что в этом не - моральном человеке нет никаких импульсов. Они есть в нём и мы найдём их, если проникаем в глубину его души. Нет ни одной человеческой души - за исключением чёрных магов, которые нас сейчас совершенно не

касаются - в которой не было бы этой основы морального добра. Если человек дурён, то это потому, что сверх морального добра в нём наслоилося то, что развилось с течением времени как духовное заблуждение. Не человеческая природа дурна. Первоначально она была действительно добра и, как раз конкретное рассмотрение человеческой природы показывает нам, что она в глубочайшей своей сущности добра, и лишь духовные заблуждения столкнули людей с морального пути. Поэтому моральные заблуждения у людей с течением времени должны быть исправлены. Но там, где воздействия морального зла уже настолько велики, что появились демоны болезни, там должны действовать сверхморальные силы, какие были у Франциска Ассизского.

Но исправление человека всегда основано на том, что мы устраняем его духовное заблуждение. Что же для этого нужно? Соедините теперь всё, что я вам рассказал в одно основное ощущение, дайте говорить фактам, дайте говорить ВАШИМ чувствам, и вашим ощущениям и постарайтесь охватить их одним основным ощущением - тогда вы скажете себе: что НУЖНО человеку в его отношениях к ЛЮДЯМ? Ему нужна вера в изначальное добро людей и всей человеческой природы. Это - первое, что МЫ должны сказать, если МЫ хотим вообще говорить словами о морали: неизмеримое добро есть то, что заложено в основе человеческой природы. Это сказал себе Франциск Ассизский. И когда к нему приходили те, что были одержимы указанной выше болезнью, то Франциск Ассизский, как добрый христианин того времени говорил себе приблизительно следующее; "Такая болезнь в известном отношении есть следствие греха, но так как грех есть духовное заболевание, а болезнь есть следствие духовного заблуждения, то нужно стереть и уничтожить её большой и крепкой ПРОТИВОПОЛОЖНОЙ силой." На грешнике Франциск Ассизский видел, как в известном отношении наказание греха проявляется внешне. Но он видел также и добро человеческой природы, видел какие Божественно - Духовные Силы лежат в основе каждой человеческой натуры. Огромная вера в добро человеческой природы, даже наказанной человеческой природы - это и было то, что особенно отличало Франциска Ассизского.

Благодаря этому явилась возможность появления в его душе противоположной силы и это есть сила морально дающей, морально помогающей, мало того, исцеляющей любви. И никто, действительно развивший эту веру в изначальное добро человеческой природы, не может придти к чему-либо иному, как только к тому, чтобы полюбить эту человеческую природу как таковую.

Эти два основные импульса и есть прежде всего те, которые действительно могут обосновать мораль: во-первых, вера в Божественное в основе каждой человеческой души, во-вторых,

бьющая ключом из этой веры безмерная любовь к человеку (ибо только эта безмерная любовь могла привести Франциска Ассизского к больным, увечным, прокажённым. Третье, что присоединяется к этому и необходимо строится на этих двух основах, это - человек, обладающий верой в добро человеческой души и любви к человеческой природе не может иначе, как сказать себе: то, что мы видим проистекающим из взаимодействия изначально доброй человеческой души и деятельной любви, даёт право на такую перспективу в будущем, которую можно выразить так: каждая душа, как бы глубоко она не спустилась с высот духовной жизни, может быть вновь обретена для этой духовной жизни. В этом заключается третий импульс, в этом уповании для каждой человеческой души - что она может снова найти дорогу к Божественно - Духовному. Об этих трёх импульсах мы можем сказать, что Франциск Ассизский часто слышал в себе их голос, бесконечно часто являлись они его взору во время его посвящения в Мистерии Колхиды. Но мы можем также сказать, что в жизни, которую ему приходилось вести, как Франциску Ассизскому, он мало проповедовал эту веру в любовь, он сам был воплощением этой веры и этой любви. В нём они как бы воплотились. В нём они явились как живой символ перед тогдашним миром. В центре же всего стоит, конечно, то, что действовало. Это действовала не вера, это действовала не надежда. Их необходимо иметь, но деятельна только любовь. Она стоит в центре, она есть то, что в отдельной инкарнации Франциска Ассизского принесло человечеству в моральной смысле действительное развитие вперёд, к Божественному.

Каким образом пришла к нему эта любовь, о которой мы знаем, что она была результатом его Посвящения в Мистерии Колхиды. Как развивалась она? Мы видели, что в нём проявились рыцарские добродетели древнего европейского духа. Он был мальчиком - рыцарем. Это мужество, эта храбрость превратилась в его индивидуальности, пронизанной ИМПУЛЬСОМ ХРИСТА, в действительную любовь. Таким образом мы видим как бы воскресение этой древней храбрости, этого мужества в любви, как выражается она у Франциска Ассизского. Одухотворенная древняя храбрость, перенесённая в спиритуальную область, перенесённое в духовную область мужество - это и есть любовь.

Интересно посмотреть, насколько сказанное сейчас соответствует также и внешнему историческому течению человеческого развития. Вернёмся на несколько столетий назад, в дохристианское время. У того народа, который дал имя четвёртому после - атлантическому периоду культуры, то есть у греков, мы находим философа Платона. Среди других вещей Платон писал также и о морали, о добродетели человека, и о добродетели он писал так, что мы можем видеть, что хотя самые высокие, подлинные тайны он и не высказывал, однако то, что он мог сказать, он вложил в уста своего Сократа. Для того времени

европейского развития, когда ещё не действовал ИМПУЛЬС ХРИСТА, Платон описывает самые высокие добродетели, на которые грек смотрел, как, прежде всего, на необходимые для морального человека. Платон сначала отдаёт предпочтение трём добродетелям. Четвёртое мы ещё узнаем. Итак, он описывает три. Первая - это добродетель "мудрости". На мудрость Платон смотрит как на добродетель. Мы уже защитили её различными способами как основоположение моральной жизни. В Индии в основе моральной жизни лежала мудрость браминов. В Европе она хотя и оставалась в тени, но тем не менее, жила в северных Мистериях, где европейские брамины должны были исправить то, что было испорчено предательством в древне - атлантическое время. Мудрость, как мы увидим завтра, стоит за всякой нравственностью: согласно своим Мистериям, Платон описывает как добродетель также и мужество, то есть то, что выступает перед нами вообще у европейского населения. Как третью добродетель он обозначает "благоразумие" или "умеренность", то есть противоположность страстной отдаче себя низшим человеческим влечениям. Это три главные платоновские добродетели: Мудрость, Мужество (или Храбрость) и Умеренность или Благоразумие, то есть обуздание чувственных влечений, действующих в человеке. Затем, как четвертую добродетель, Платон описывает гармоническое уравнение всех трёх названных добродетелей: он называет это "справедливостью".

Здесь вы имеете описание одной из самых выдающихся духовных индивидуальностей Европы дохристианского времени, того, что рассматривалось тогда как самое важное в человеческой природе. Мужество, храбрость для европейского населения пронизывается "Импульсом Христаста" и тем, что мы называем нашим "я." Мужество, являющееся у Платона добродетелью здесь одухотворяется и становится "любовью!" Самое важное для нас - это видеть, как моральные импульсы вступают в человеческий род, как то, что ранее рассматривалось так, как это было описано сегодня, становится чем - то совершенно иным. Мы не сможем, если мы не хотим бить по лицу платоновскую мораль, перечислить эти добродетели так: мудрость, храбрость, справедливость: ибо нам могли бы отвечать: "если бы вы обладали всеми этими добродетелями, а любви не имели бы, то вы никогда не вошли бы в царство небесное".

Запомним хорошенько это время, в котором, как мы видели, излился в человечество такой поток, такой импульс, что мудрость и храбрость (мужество) стали духовными и вновь явились перед нами как Любовь. Но мы хотим подойти к вопросу, как образовали мудрость, умеренность или благоразумие и справедливость: и тогда, благодаря этому, для нас станет ясно, что является собой моральной Миссией Антропософского Движения в настоящее время.

Лекция 3 30 мая 1914

В том, что было сказано вчера, заключалось признание моральных принципов в человеческой природе, и на основании приведенных до сих пор фактов, мы пытались подтвердить заявление, что сущность морального, сущность доброго лежит в основе человеческой душевной природы, и что только в течение эволюции в своём шествии от инкарнации к инкарнации человек сбился с дороги первоначальных, хотелось бы сказать, инстинктивно-добрых задатков и только вследствие этого в человечество вошло зло, неправда и не – моральность.

Но если это так, то нас поистине должно удивить, что зло вообще возможно, что оно может возникать и потребует ответа вопрос: каким образом зло стало возможным в течение эволюции? Основательный ответ возможен, в сущности, только в том случае, если всмотреться в элементарное моральное обучение, которое давалось людям уже в древние времена. Ученики Мистерий, стремившиеся, как к своему самому высшему идеалу, к постепенному проникновению в совершенно спиритуальные истины и познания, должны были везде, где работа происходила в истинном духе мистерий, работать, исходя из моральной основы, так что своеобразие нравственной природы человека совсем особым образом показывалось именно ученикам мистерий.

Если мы хотим вкратце охарактеризовать каким образом это происходило, то мы можем сказать: ученику мистерий показывалось, что человеческая природа может производить опустошение и зло по двум направлениям, и что развить свободную волю человек может лишь потому, что он способен совершать зло по двум направлениям: далее показывалось, что жизнь может протекать в правильном, благоприятном смысле только тогда, когда эти две стороны заблуждения рассматриваются как две чаши весов, из которых то одна, то другая поднимается и опускается. Истинное равновесие существует только тогда, когда коромысло лежит горизонтально.

Таким образом ученикам Мистерий указывалось, что правильное поведение человека совершенно невозможно представить себе, говоря: это правильно, а это неправильно. Правильное поведение может быть усвоено только благодаря тому, что в каждое мгновение своей жизни человек может пойти как в одну сторону, так и в другую, и что он сам должен установить равновесие, середину между обеими.

Возьмём добродетели, о которых мы уже говорили: храбрость и мужество. Одна сторона, в которую может уклониться человеческая природа - это сторона безрассудной смелости -

необузданное пробивание в мире с теми силами, которые имеются в распоряжении человека, и напряжение их до крайних пределов. "это одна сторона - безрассудная смелость. Другая сторона, другая чаша весов - трусость. Человек может уклониться в обе эти стороны, и ученикам в мистериях показывалось, что человек теряет себя, теряет своё "я" и перетирается колёсами жизни, если он вырождается в сторону безрассудной отваги. Напротив, если он уклоняется в сторону трусости, то он очерствляет и вырывает себя из связи вещей и существ. Тогда он становится замкнутым в себе существом, которое выпадает из связи, так как не может привести свои дела и поступки в созвучие с целым. Это показывалось ученикам мистерий по отношению ко всему тому, что может делать человек. Он может выродиться так, что объективный мир искрошит, перемелет его, потому что он теряет своё "я", с другой же стороны он может извратиться так (не только в храбрости, но и во всяком деле), что зачерствеет в себе самом. Поэтому в моральном кодексе Мистерий везде были написаны полные значения слова: "Ты должен найти середину, - таким образом, чтобы через свои деяния ты не потерял себя а мире, но также и мир не потерял тебя.

Это два возможных положения, в которых может очутиться человек. Он может быть, или потерянным для мира, или мир завладеет им, мир расслабляет его, как это бывает при безумной смелости, как мир может быть потерян для него, потому что человек черствеет в своём эгоизме, как это происходит при трусости. Итак, ученикам Мистерий говорилось: не может быть вообще добра, к которому можно стремиться только как к раз существующему мировому добру, напротив, добро возникает лишь благодаря тому, что человек способен непрерывно как маятник раскачиваясь в обе стороны и своей внутренней силой находить возможность равновесия, возможность среднего положения.

Посмотрите, здесь мы инеем всё, что даёт нам возможность понять свободу воли и значение разума и мудрости в человеческих поступках. Если бы человеку было по силам соблюдать вечные моральные принципы, то тогда ему нужно было бы лишь усвоить их - и он мог бы идти, так сказать, последовательным жизненным путём. Но жизнь никогда не бывает таковой. Жизненная свобода скорее состоит в том, что у человека всегда есть возможность уклониться в обе стороны (в одну из сторон!). Благодаря этому дана также возможность дурного, возможность зла. Ибо, что такое зло? Зло есть то, что возникает, когда человек теряет себя в мире, или, когда мир теряет человека: в избегании того и другого и состоит то, что мы можем назвать добром. Зло стало возможным в ходе эволюции, - в ходе человека от одной инкарнации к другой, благодаря тому, что люди уклонялись то в ту сторону, то в другую, и так как они не всегда находили равновесие сразу, то наступила необходимость в будущем создавать это Кармическое Уравнение. То, что не может

быть достигнуто в одной жизни, так как не всегда находится середина, достигается в ходе эволюции тем, что один раз человек уклоняется в одну сторону, но затем быть может в следующей жизни принуждается пойти в другую сторону и, таким образом создать примирение.

То, что я рассказал вам, было золотым правилом древних Мистерий. Как неоднократно в других случаях, так и в данном мы находим у философов древности отзвук этого основного положения Мистерий: у Аристотеля там, где он говорит о добродетелях, есть выражение, которое мы можем понять не иначе как зная, что то, что сейчас сказано, являлось основным положением Мистерий, переданное Аристотелю и включённое в его философию.

Отсюда замечательное определение Аристотелем добродетели, которая гласит: “добродетель есть человеческий навык, ведомый разумной предусмотрительностью, который сохраняет по отношению к человеку середину между “слишком много” и слишком мало”.

Тем самым Аристотель действительно дал такое определение добродетели, какого позже не могла достигнуть ни одна философия. И найти это действительно правильное Аристотель мог потому, что руководился традицией, исходящей из Мистерий. Итак, эта знаменитая середина, которая должна быть соблюдена, если человек действительно должен быть добродетельным и, если моральная сила должна пронизать мир. Но теперь мы можем ответить также на вопрос, почему вообще должна существовать мораль? Что происходит в том случае, когда морали нет, когда совершается дурное, когда происходит “слишком много”, то есть самопотеря человека, благодаря его раздроблению на “слишком мало”, то есть утрата человека со стороны мира? В каждом таком случае нечто всегда разрушается. Всякое зло, всякое неморальное есть разрушение, разрушительный процесс, и в тот момент, когда человек понимает, что делая дурное, он поступает не иначе, как разрушив нечто, отняв нечто от мира - в этот момент добро действует на человека покоряющим образом. И особенной задачей Антропософского Мировоззрения - Которое, собственно, лишь начинает своё вступление в мир - является сделать ясным, что всякое зло обуславливает разрушительный процесс, отнимает от мира нечто такое, на что рассчитывалось.

Когда в Духе Нашего Антропософского мировоззрения мы держимся принципа, который мы только что отметили, тогда то, что мы знаем относительно природы человека, ведёт нас к особому определению добра и зла. Мы знаем, что душа ощущающая развилась главным образом в древне-халдейскую эпоху, в третий послеатлантический период развития. О том, чем была эта эпоха развития, современная жизнь имеет слабое понятие, внешняя история едва достигает далее египетского времени. Мы знаем, что душа рассудочная развилась в четвёртый

период, в греко-латинское время, и что теперь в настоящее время мы находимся в периоде развития души сознательной. Самодух появится лишь в шестом периоде послеатлантического развития.

Прежде всего спросим себя: как может отклониться от правильного в ту или иную сторону душа ощущающая? Душа ощущающая есть то, что даёт человеку возможность ощущать мир вещей, воспринимать их, принимать в них участие, проходить мировой путь, не оставаясь невежественным по отношению к вещам, но приобретая отношение к ним. Всё это является действием души ощущающей. Одну сторону, в которую человек может отклониться, мы найдём для души ощущающей если спросим себя, что же это такое вообще, что даёт человеку возможность иметь отношение к окружающим его вещам, есть то, что мы можем назвать интересом к вещам. Этим словом "интерес" выражено в моральном смысле нечто очень значительное. И гораздо важнее принять во внимание моральное значение интереса, чем предаваться тысячам и тысячам прекрасных, хотя быть может квази-священных мелких правил морали. Ничем не направляются к лучшему наши моральные импульсы так, как тем, что мы приобретаем правильный интерес к вещам и существам. Постарайтесь уяснить себе это. В более глубоком смысле мы говорили во вчерашней лекции о любви как об импульсе, так что теперь не может возникнуть недоразумений, если сейчас мы скажем следующее: обычное часто произносимое "любви, любви и любви" не может заменить того морального импульса, который ЛЕЖИТ в том, что можно обозначить словом "интерес".

Предположим, что перед нами ребёнок. Каково предварительное условие, необходимое для того, чтобы мы посвятили себя ребёнку? Каково предварительное условие, необходимое для того, чтобы мы могли вести этого ребёнка вперед? Предварительное условие есть то, что мы интересуемся его существом. Это есть уже известная болезненность человеческой души, если человек отступает перед тем, к чему питает интерес. Что импульс интереса является особенным, золотым импульсом в моральном смысле - это будет познаваться тем больше, чем больше люди будут проникать к действительным моральным основам, а не читать лишь моральные проповеди. Расширяя наш интерес, нашу возможность с пониманием переноситься в вещи и существа, мы тем самым призываем наши внутренние силы и по отношению к людям.

Даже сострадание пробуждается соответственно правильному образу, если у вас есть интерес к существу, и когда мы, как антропософы, ставим своей задачей всё увеличивать наши интересы и расширять горизонты, тогда благодаря этому повышается также и вообще братство людей. Не проповедью всеобщей человеческой любви мы можем двигаться вперёд, а тем, что мы все больше и больше повышаем и расширяем наши

интересы и становимся всё более способными интересоваться и с пониманием идти навстречу душам самых различных темпераментов, самых различных задатков, характеров, расовых способностей, национальных свойств, самых различных религиозных и философских исповеданий. Правильное понимание, правильный интерес вызывает из души правильный моральный поступок. Но и здесь человек должен держаться середины между двумя крайностями. Одна крайность — это тупость, которая идёт мимо всего и причиняет огромное моральное несчастье миру, которая живёт только в себе самой и упрямо стоит только на своих принципах и всегда говорит одно: это моя точка зрения. Иметь точку зрения в моральном отношении вообще плохо. Самое существенное для нас - это иметь открытые глаза на всё что нас окружает. Тупость вырывает нас из мира, тогда как интерес водворяет нас в него. Вследствие нашей тупости мир нас теряет и мы становимся не - моральными. Таким образом мы видим, что тупость и отсутствие интереса к миру является в наивысшей степени моральным злом.

Итак, Антропософия - именно такая вещь, которая делает дух всё более и более подвижным, помогает нам лучше всего мыслить духовнее и воспринимать его. Насколько правда, что теплота возникает из огня, когда мы топим печь, настолько правда и то, что когда мы усваиваем Антропософскую Мудрость, возникает "интерес" ко всему человеческому и ко всем существам. Мудрость - это топливо для интереса, и мы можем сказать просто: Антропософия, если это даже и не сразу видно, изучает такие далёкие вещи, как учение о Сатурне, Солнце, Луне, о Карме и т.д. Воскрешает в нас этот интерес. И действительно бывает так, что то, что возникает как продукт переработки Антропософского Познания, и есть интерес - между тем как из материалистических познаний возникает то, что мы видим теперь, к сожалению, столь процветающим и что надо решительно определить как тупость, которая будучи имеет значение одна должна была бы причинить невероятное зло.

Взгляните, как много живёт на свете людей, которые сталкиваются друг с другом, но, в сущности "людей" не узнают, потому что совершенно замкнулись в себе. Как часто мы узнаём, что два человека с давнишних времён дружны друг с другом, а потом вдруг эта дружба рвется. Это происходит от того, что импульсы к дружбе были материалистического рода и лишь спустя долгое время выясняется для участников, что они до сих пор не замечали взаимно несимпатичных черт характера. Лишь немногие люди имеют в настоящее время открытые глаза на то, что в человеке говорит к человеку. И это именно и есть то, к чему должна побудить АНТРОПОСОФИЯ: расширять наши способности, наш ум так, чтобы у нас были открытые глаза и открывая душу для всего, что есть человеческого вокруг нас и чтобы мы проходили жизнь с правильными интересами, а не тупо.

Здесь же мы избегаем другой крайности, если будем различать действительный правильный интерес от ложного и при том будем сохранять истинную середину: бросаться сразу в объятия всякому встречному существу вовсе не будет действительным интересом, а лишь потерей себя в этом существе. Делая так, мы теряем себя в мире. Благодаря тупости нас теряет мир; благодаря бессмысленной страстности, опьяняющейся в самоотдаче, мы теряем себя в мире. Благодаря здравому интересу мы морально стоим твёрдо на точке зрения середины, равновесия.

Видите ли в третьем после - атлантическом периоде культуры, то есть в египетско - халдейское время, ещё существовала известная сила в большей части земного населения, сила, которую можно назвать импульсом к сохранению равновесия между тупостью и страстной самоусыпляющей отдачей себя миру; и это есть именно то, что в давние времена, а также у Платона и Аристотеля называлось - Мудростью. Но люди смотрели на это как на дар сверхчеловеческих существ, ибо вплоть до тех времён были живы древние импульсы мудрости. И потому, с этой точки зрения, а именно, по отношению к моральным импульсам, мы можем назвать третью послеатлантическую культурную эпоху такой эпохой, когда мудрость действует инстинктивно. И потому, возвращаясь в этот период, чтобы ощутить это, скажем: истинно то, что изложено в предыдущем году с совершенно другой целью в копенгагенских лекциях, содержание которых приведено в книге "Духовное водительство человека и человечества", - истинно то, что мы высказываем: тогда люди стояли ближе к Божественно - Духовным силам, была для этой третьей послеатлантической эпохи инстинктивной мудростью.

Итак, в то время было даром богов находить в своих поступках верную середину (соответственно с тем временем) между тупостью и бессмысленно страстной самоотдачей. Это примирение, это равновесие ещё крепко держалось в те времена благодаря внешнему строю. Ещё не существовало тогда полного смешения человечества, появившегося в четвертом периоде послеатлантического времени вследствие процесса переселения народов. Люди были ещё замкнуты в родовые и народные рамки. Интересы мудро регулировались самой природой и были настолько живы, что могли пронизывать правильные моральные импульсы, а с другой стороны, благодаря наличию кровного братства у этих племён, существовало препятствие для бессмысленной страстности. Приглядевшись к жизни вы заметите, что даже еще и в наше время интерес возникает легче всего там, где есть родство по крови или по происхождению. Тогда не существовало ещё того, что называется безумной страстью, а так как в египетско-халдейское время люди были соединены в небольшой области, то там легко находилась и эта

мудрая середина. Смысл человеческого развития состоит в том, что постепенно исчезает то, что первоначально было инстинктивным, что было лишь исключительно духовным, и делаются самостоятельнее по отношению к Божественно - духовным Силам.

Поэтому мы видим, что уже в четвертый после - атлантический период культуры, в греко - латинское время, философы Платон и Аристотель, а также и общественное мнение Греции рассматривали мудрость как нечто такое, чего должно добиваться, как нечто, что уже не есть более дар богов, а должно быть достигнуто усилием. Первая добродетель по Платону - Мудрость, и не - морален тот, кто не добивается мудрости. Теперь мы живём в пятом после - атлантическом периоде культуры. Мы еще очень далеки от того времени, когда человечество осознает эту мудрость, инстинктивно насаждённую человечеству как Божественный Импульс. Вследствие этого в наше время особенно возможно людям уклоняться по двум указанным выше направлениям. И как раз в наше время существует особенная необходимость противопоставить огромным опасностям, встречающимися в этом пункте, работу спиритуалистического, Антропософского Миросозерцания для того, чтобы имевшаяся когда-то у людей инстинктивная мудрость могла теперь стать мудростью сознательной.

Сущность Антропософского Движения в том, чтобы то, что прежде люди имели инстинктивно, теперь должно приобретаться сознательно, как сокровище мудрости. Что же это как не мудрость, данная Богами человеческой душе как нечто инстинктивное, тогда как усвоить эту мудрость о Космосе и человеческом развитии мы должны только теперь? Ведь и древние обычаи возникли тоже по идеям Богов. Мы видим Антропософию в правильном освещении только тогда, если смотрим на Неё, как на Исследование Божественных Идей. В те времена они вливались в людей инстинктивно, теперь мы должны их исследовать, поднять до нашего знания. И в этом отношении Антропософия должна быть для нас как нечто Божественное. Мы должны уметь проникнуться настроением благоговения оттого, что мысли, сообщаемые нам Антропософией, суть действительно нечто Божественное, нечто такое, что мы, люди, способны мыслить, над чем мы можем размышлять после того, как они были когда - то Божественными Мыслями, Которыми устроен Мир. И когда АНТРОПОСОФИЯ становится для нас такой, нам понятно в отношении вещей следующее: они даны нам для выполнения высшей Миссии. Когда мы изучаем то, что нам сообщалось о развитии Сатурна, Солнца и Луны, о перевоплощении, о развитии отдельных рас и т.д., нам выпадает на долю узнать о великих откровениях. Но в правильное отношение ко всему этому мы ставим себя только тогда, когда говорим: идеи, которые мы ищем, суть те идеи, по которым Боги

направляли эволюцию. Мы мыслим эволюцию Богов. Если мы понимаем её правильно, то нечто, глубоко нравственное, овладевает нами. Не произойти этого не может. Когда мы говорим себе: в древние времена люди имели от Богов инстинктивную мудрость. Боги дали им мудрость, с ПОМОЩЬЮ которой творили мир. Благодаря этому были ВОЗМОЖНЫ НРАВСТВЕННЫЕ деяния. Теперь мы приобретаем эту мудрость сознательно в Антропософии. Итак, мы должны иметь также доверие, что эта мудрость претворится в нас в моральные импульсы, так что мы воспримем не только Антропософскую мудрость, но вместе с Антропософией воспримем и моральные импульсы.

В какие же моральные импульсы претворится Антропософское Стремление, именно в области мудрости? Здесь мы должны коснуться одного пункта - глубокое моральное значение которого и моральную важность антропософ должен предвидеть - пункт развитая очень далёкого от того, что является привычным в наше время, - а именно то, что ещё Платон назвал: идеал мудрости. Так как он назвал это ещё теми словами, которые были обычны для того времени, когда мудрость ещё жила внутри людей, то мы сделаем хорошо, если заменим это выражение другим словом. Мы сделаем хорошо, если заменим его, потому что мы стали индивидуальнее, потому что мы отделились от Божественного и снова должны стремиться обратно к Нему. Мы должны ощущать полное значение слова, "ИСТИНА" и в моральном отношении это будет результатом Антропософского Мирозерцания и Антропософского образа мышления. Через Антропософию люди научатся ощущать истину.

Но современные антропософы начнут понимать, насколько необходимо вполне почувствовать эту мораль истины в такое время, когда материализм дошёл до того, что хотя и можно еще говорить об истине, однако вся культурная жизнь слишком далека от того, чтобы её ощущать и чувствовать. Иначе и не может быть в настоящее время. Истина есть нечто такое, что в высшей степени должно отсутствовать в современной культуре вследствие того определённого свойства, которое приобрела эта современная культура. Я спрашиваю: что найдёт в наше время человек в том, что, встретив в газете или журнале какие - либо определённые сообщения, а потом окажется, что это просто неправда - то, что там говорится? Я очень прошу, подумайте об этом. Нельзя сказать, что это случается на каждом шагу, но нужно сказать, что это происходит на каждом четвёртом шагу. Везде, где налицо современная жизнь, неправдивость стала свойством нашей культурной эпохи, и совершенно невозможно её свойство назвать правдивостью.

Возьмите человека, о котором вы знаете, что он написал или сказал что-нибудь неверное, и укажите ему на это. Вы увидите, что у него не будет даже ощущения, что это нехорошо, он сейчас

же прибегает к отговорке: и сказал это, будучи уверен. Антропософы не должны считать моральным, если кто-нибудь говорит, что он сказал что-нибудь неверное, будучи уверенным. Люди будут учиться всё больше понимать, что относительно того, что утверждаешь, необходимо в то же время и знать, что это действительно так. И потому можно говорить или сообщать что-нибудь только тогда, когда почувствуешь и исполнишь обязанность - проверить, так ли это, и сопоставишь её со средствами, которыми можно воспользоваться. Только когда сознаёшь эту обязанность, этот долг, только тогда сможешь ощущать истину, как моральный импульс. Но тогда уже никто не будет больше говорить, если он сообщил миру что - либо неверное: мне так казалось, я сказал это, будучи уверенным. Ибо он научится понимать, что человек обязан говорить не только то, что он считает правильным, но, что он обязан говорить только то, что **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** верно и истинно. И произойдёт не иначе, как так, что в нашей культурной жизни в известном отношении должны будут постепенно выступать радикальные изменения. Быстрота сообщений, любовь к сенсации, вообще всё, что влечёт за собой материалистический век, всё это - противники истины. В нравственной области Антропософия будет воспитательницей человечества относительно долга быть правдивым.

Сегодня моей задачей не является говорить о том, насколько истина уже осуществлена теперь в Антропософском Обществе, но надо сказать, что то, что сегодня высказано в принципе, должно быть Высоким Антропософским Идеалом. У моральной ЭВОЛЮЦИИ будет достаточно дела внутри Антропософского Движения, если моральный Идеал Истины будет продуман, прочувствован и ОЩУЩЁН во всех направлениях.

Этот Моральный Идеал Истины будет в настоящее время тем, что правильным образом побуждает добродетель в ощущающей душе человека. Второй член души, который мы должны считать в Антропософии, есть то, что мы обыкновенно называем душой разумной. Вы знаете, что он приобрёл своё значение особенно в четвёртую после - атлантическую эпоху, в греко - латинское время. Добродетель, в особенности свойственна этому члену души. Мы уже неоднократно указывали, это - твёрдость духа, храбрость, отвага. Как их крайности вы имеете безрассудную смелость и трусость. Мужество, твёрдость духа, храбрость занимают середину между безрассудной смелостью и трусостью. Слово германского языка по - немецки означает "Gemut" и уже в самом созвучии выражает, что оно находится в известном отношении к мужеству (Mut). Под словом "Gemut" подразумевается как раз средняя часть души, то, что в ней есть мужественного, сильного, крепкого. Это было средней добродетелью также у Платона и Аристотеля. Это была та добродетель, которая ещё существовала у людей четвертого после - атлантического периода культуры как Дар Богов, между тем как

мудрость была "инстинктивной", собственно, только в третий после - атлантический период. Инстинктивная храбрость и мужество (это вы можете видеть с первых лекций) существовали как Дар Богов у тех людей, которые как участники четвёртого после - атлантического периода пошли навстречу распространению Христианства к Северу. Они показали, что храбрость была у них ещё Даром Богов. Подобно тому, как у халдеев мудрость, полная мудрости проникновения в тайны звездного мира, существовала как Дар Богов, как нечто инспирированное, - у людей четвертого после - атлантического периода, а именно у греков и римлян, а также и у народов которым было передано распространение Христианства, существовали храбрость и мужество. Эта храбрость была устранена позже, чем мудрость.

Если теперь, то есть в пятом после - атлантическом периоде мы оглянемся вокруг себя, то нам придется сказать, что по отношению к этой храбрости и мужеству мы находимся все в таком же положении, в каком находились греки по отношению к мудрости халдеев и египтян. Мы смотрим назад на то, что было Даром Богов в непосредственно предшествовавшем периоде, и можем известным образом снова домогаться его. Но как раз две предыдущие лекции показали нам, что при этом стремлении в известном отношении должно произойти некоторое превращение. Превращение мужества и храбрости, имевшихся, как дар Богов, внешний характер, превращение этого мы видели у Франциска Ассизского. Мы видели его превращение как следствие внутренней моральной силы, которую мы вчера познали, как СИЛУ ИМПУЛЬСА ХРИСТА. Превращение мужества и храбрости рождает тогда то, что является "истинной любовью". Но эта истинная любовь должна быть руководима другими добродетелями - интересом, участием к тому существу, на которое мы обращаем свою любовь. Шекспир в своём "Тимоне Афинском" показал, как любовь и добросердечие причиняют вред, если они страстны, если они являются лишь свойствами человеческой природы, не сопровождаемыми мудростью и истиной. Мы находим у него описание одной личности, которая расточает своё имущество. Щедрость - добродетель, но Шекспир показывает нам, как благодаря такому расточительству порождаются сплошные паразиты.

Итак, мы должны сказать: подобно тому, как древняя храбрость и мужество руководились из Миотерий европейских браминов, этих, державшихся в тени мудрецов, точно также в человеческой природе должно иметь место руководство, созвучие добродетелей с интересом. Интерес, правильным образом сталкивающий нас с внешним миром, этот интерес должен нас вести и направлять, когда мы с любовью обращаем к этому внешнему миру, в сущности говоря, и это тоже явствует из характерного, хотя бы даже и ослепительного примера

Франциска Ассизского. У Франциска Ассизского не было того сострадания к людям, которое легко может быть навязчивым и оскорбительным: ибо многие люди, хотя и хотят засыпать своим состраданием, отнюдь не всегда одушевлены правильным моральным импульсом. Как много людей, которые вовсе не хотят, чтобы им что - нибудь делали из сострадания. Но полный понимания шаг навстречу человеку не несет в себе ничего оскорбительного (оскорбляющего). Быть жалимым - это нечто, что человек должен отвергать. Но найти понимание для своего существа - это уже будет нечто, чего не может отвергнуть ни один здоровый человек. И потому нельзя порицать поведение другого человека, который держится в этом отношении соответственно своим поступкам.

Понимание - это и есть то, что может направлять нас в смысле второй добродетели: любви. Она есть то, во что превратилась через Импульс Христа добродетель души рассудочной. Она есть та добродетель, которую мы можем определить как любовь, полную человеческого понимания. Сострадание, сорадование - те добродетели, которые в будущем должны дать самые прекрасные, самые великолепные цветы в совместной человеческой жизни, и у того, кто понимает ИМПУЛЬС ХРИСТА правильным образом, соответствующим образом возникает сочувствие и любовь, сострадание и сорадование, так как из них возникает чувство. И именно благодаря Антропософскому пониманию ХРИСТОВА ИМПУЛЬСА наступит тот факт, что из них возникнет чувство. Через МИСТЕРИЮ ГОЛГОФЫ ХРИСТОС Спустился в земное развитие. ЕГО ИМПУЛЬСЫ, ЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ - в Земле. Они в ней повсюду. Зачем Спустился Он на эту Землю, чтобы при помощи того, что Он имеет дать миру (чтобы) эволюция шла вперед в истинном смысле: затем, чтобы с принятым Христовым Импульсом эволюция Земли могла совершаться правильным образом. И если теперь, после того, как Христов Импульс Вошёл в Мир, мы разрушаем что - либо благодаря не - моральному лишённому интереса, идущему мимо людей отношению, то мы отнимаем некую часть у мира, в который Излился ЭТОТ ХРИСТОВ ИМПУЛЬС. Таким образом мы разрушаем непосредственно нечто в САМОМ ИМПУЛЬСЕ ХРИСТА, потому что ОН уже на Земле. Когда же мы даём миру то, что может быть дано благодаря добродетели, которая творит - тогда мы создаём. Мы создаём как раз тем, что мы отдаём. Не напрасно говорится часто, что сначала Христос был распят на Голгофе и, всё снова и снова Он Распинается деяниями человека. Через Подвиг Голгофы Христос Влился в земное развитие, поэтому каждый раз через всё не - моральное, что мы делаем благодаря отсутствию любви, благодаря отсутствию интереса, мы принимаем участие в Боли и Страдании, Причиняемым Пришедшему на Землю Христову Импульсу. Поэтому всегда говорится и

повторяется: всё снова распинается Христос, пока существует не - моральность, отсутствие любви и интереса. Христов Импульс Пронизал мир, поэтому это Он, Кому причиняются страдания.

Насколько справедливо то, что через разрушающее зло мы отнимаем нечто у Христова Импульса и как бы продолжаем Его Распятие на Голгофе, настолько справедливо и то, что поступая из любви, мы всегда и везде, где применяя эту любовь содействуем и помогаем Силе и Жизни Христова Импульса. "То, что вы сделали одному из братьев Моих меньших - сделали Мне": эти полные значения слова должны стать глубочайшими моральными импульсами, когда они будут однажды поняты Антропософски. И мы делаем это, если с полным пониманием относимся к нашим ближним и поступаем с ними так или иначе, исходя в наших поступках, в наших добродетелях и в наших отношениях с ними из этого понимания их существа. Наше поведение с людьми есть, тем самым, поведение по отношению к Самому Христову Импульсу.

И это есть сильный моральный импульс, есть нечто, что действительно обосновывает мораль, если мы чувствуем: **МИСТЕРИЯ ГОЛГОФЫ СОВЕРШИЛАСЬ ДЛЯ ВСЕХ ЛЮДЕЙ**, и с тех пор некий Импульс Излился на Весь Мир. Если мы стоим к своим близким в каком - либо отношении, старайся понять их во всех их различиях, будет ли это различие расовое, национальное, религиозного исповедания и мировоззрения и т.п. и то, что ты делаешь людям, ты делаешь это в данном земном развитии Христу. И слова: "То, что вы сделали одному из братьев Моих - сделали Мне", - для того, кто понимает основное значение Мистерии Горлгофы, будут в то же время сильным моральным импульсом, так что мы можем сказать: тогда как людям до - Христова времени Боги дали инстинктивную мудрость, инстинктивную храбрость и мужество - от Символа Креста Изливается Любовь: Та Любовь, Которая построена на взаимном интересе людей друг к другу.

Благодаря этому ХРИСТОВ ИМПУЛЬС будет действовать в мире могущественным образом. Когда будут любить и понимать друг друга не только брамин брамина, пария парию, еврей еврея, христианин - христианина, но когда еврей сможет понять христианина как человека, стать на его точку зрения, пария - брамина, американец - азиата, тогда люди поймут, насколько глубоко проникнуто Христом то, что мы говорим: "Безразличие каких - бы то ни было вероисповеданий, должно быть братство среди людей". Всё, что соединяет нас иначе, не должно быть значительным. Отец, мать, брат сестра, даже общественная жизнь всё это мы должны ценить менее, нежели то, что говорит от одной человеческой души к другой. Кто в этом смысле не отрешается от того, что наносит вред уравнивающему все человеческие отношения Христову Импульсу, кто не отрешается от различия, тот не может быть МОИМ учеником. Этот мпульс Любви, того, Изливающегося из Мистерии Голгофы,

мы ощущаем как обновление того, что дано человеку как изначальная добродетель.

Теперь нам нужно рассмотреть то, что мы можем назвать добродетелью души сознательной. Поскольку мы находимся в четвёртом после - атлантическом периоде, эти добродетели всё ещё инстинктивны. Платон и Аристотель называли их самыми главными добродетелями души сознательной, понимая их опять - таки как состояние равновесия, как середину того, что, находится в душе сознательной. Душа сознательная существует благодаря тому, что человек через свою телесность сознаёт внешний мир. Чувственное тело - это прежде всего орган Души Сознательной, и чувственное тело - это то, благодаря чему человек приходит даже к сознанию "Я".

И потому чувственное тело должно сохраняться. Если бы чувственное тело не было бы сохранено для земной миссии, то эта земная миссия не могла бы быть выполненной. Но и здесь существуют известные границы. Если человек все силы, которые у него есть, употребляет бы лишь на то, чтобы наслаждаться, он замкнулся бы в себе, и для мира он был бы потерян. Человек, исключительно наслаждающийся, употребляющий все, какие у него есть силы на то, чтобы создавать наслаждения, такой человек - так думают Платон и Аристотель - замыкается от мира, мир теряет его. Человек, который во всём себе отказывает, делается всё слабее и слабее и в конце концов внешний мировой процесс захватывает его и растирает его. Тот, кто переступает силы, которыми наделён человек, преувеличивает их, - захватывается мировыми процессами и теряет себя в мире.

Таким образом то, что человек развил для выработки души сознательной, может быть разрушено так, что человек попадает в положение: потеря мира. Добродетель, избегающая обеих этих крайностей, есть "умеренность". Итак, "умеренность" не, есть аскетизм, не есть излишество, а правильная середина между ними обоими. Это добродетель души сознательной. По отношению к этой добродетели мы тоже ещё не вышли из инстинктивного состояния. Недолгое размышление может показать нам, что, в сущности говоря, людям с излишком указывается на испытание, на колебания между этими крайностями. Если вы оставите в стороне тех немногих людей, которые уже теперь стараются достигнуть сознательности в этой области, то вы найдёте, что огромное большинство людей живёт по определённому образцу, который часто характеризуют в Средней Европе тем, что говорят: "В Берлине есть люди, когорые излишествуют и сибаритствуют всю зиму, начиная себя всякими деликатесами и лакомствами, а летом едут в Карлсбад, чтобы по методе другой крайности исправить вызванное зло. Здесь вы имеее перевес чаши весов то в одну сторону, то в другую. Это лишь радикальный пример. Ели описанное выше и не везде существует в такой мере, то всё же это колебание между наслаждением и лишением есть повсюду,

это достаточно ясно. Люди сами заботятся о том, чтобы появился перевес в одну сторону, а потом идут к врачам, чтобы они прописали им, так называемое лечение воздержанием, то есть другую крайность, чтобы восстановить нарушенное.

Отсюда вы видите, что в этой области люди находятся ещё в сильно инстинктивном состоянии и мы должны сказать: инстинктивное чувство не вдаваться слишком в одну сторону и слишком в другую ещё является у человека своего рода Даром Богов. Но подобно тому, как были утрачены другие инстинктивные свойства человека, так будет утрачено и это при переходе от пятой к шестой после - атлантической эпохе. Оно будет утрачено как природный задаток и теперь вы можете оценить, как много должно будет внести Антропософское Мировоззрение в мышление, чтобы постепенно развить сознательность в этой области.

Сейчас у нас ещё мало антропософов, даже быть может развитых, для которых было бы вполне ясно, что Антропософия есть рецепт, чтобы и в этой области достигнуть правильной сознательности. Когда Антропософия получит больше веса в этой области, тогда появится именно то, что я могу описать лишь следующим образом: людей постепенно всё более и более будет охватывать тоска по великим духовным истинам. Если в настоящее время Антропософия и подвергается насмешкам, то это не всегда будет так. Она будет распространяться. Она победит всю враждебность, а также всё остальное, что ещё Ей враждебно, и антропософы не будут довольствоваться тем, чтобы проповедовать лишь общую человеческую любовь. Люди будут понимать, что в один день усвоить Антропософию так же невозможно, как человеку невозможно в один день напиться на всю жизнь, что необходимо усваивать из Антропософии всё дальнейшее и дальнейшее. Всё реже и реже будет случаться среди Антропософского Движения, что люди будут говорить: "Это наши основные положения, и раз мы их имеем - мы антропософы. Постоянное внутреннее участие и общение, совместные чувства и переживания относительно Жизненной сущности Антропософии будут распространяться всё шире. Но, что же происходит, когда люди перерабатывают в себе те своеобразные мысли, ощущения и импульсы, которые исходят из Антропософской мудрости. Непрада ли, нам всем известно, что антропософы никак не могут держаться материалистического воззрения. Их мирозерцание как раз обратно материалистическому воззрению. Материалистически мыслит тот, кто говорит: Когда человеку приходит та или иная мысль, то это происходит вследствие движения мозговых молекул или атомов, а раз это движение налицо, то у человека являются мысли. Мысли выходят из мозга подобно тонкому дыму, подобно пламени от свечи, Таково материалистическое воззрение. Ему противоположно воззрение Антропософское. Здесь мысли и душевные переживания приводят

в движение мозг и нервную систему. Способы движения нашего мозга зависят от того, какие мысли мы мыслим. Но ведь это как раз наоборот тому, что понимает материализм. Если хочешь знать какого рода мозг у человека, ты должен исследовать, как и какие мысли он мыслит, ибо совершенно так же, как характер почерка есть ни что иное, как следствие мысли, так и движение мозга есть ни что иное, как следствие мыслей.

Не должны ли мы прийти к тому, чтобы сказать, что в данный момент, когда вы переживаете Антропософские Мысли, мозг обрабатывается иначе, чем в обществе, где играют в карты? Ваши души подвергаются иным процессам, когда вы следуете за Антропософскими Мыслями, нежели тогда, когда вы находитесь в обществе, где играют в карты, или следите за представлением в кинематографе. Но в человеческом организме нет ничего, что существовало бы изолировано, обособлено. Всё находится в связи: одно действует на другое. Мысли действуют на мозг и нервную систему, нервная система стоит в общей связи с остальным организмом. И хотя ещё для многих людей ещё скрыто то, что, когда однажды будут преодолены наследственные свойства, ещё гнездящиеся в телах, наступит следующее. Мысли будут сообщаться из мозга, они будут переходить в желудок и следствием этого будет, что вещи которые ещё вкусны людям, будут больше не по вкусу тем, кто воспринял Антропософские Мысли. Они переработают организм так, что ему будет по вкусу лишь правильное (полезное). И то, что ему не подходит, человек тогда будет обонять и ощущать как отталкивающее. Своеобразная перспектива - перспектива, которую можно будет назвать материалистической. Но она как раз ей противоположна.

Этот род аппетита, выражающийся в том, что одно вы будете любить и предпочитать есть, а другое ненавидеть и не желать его, явится следствием Антропософской Работы. Вы можете судить об этом по себе, если понаблюдаете, как уже может быть теперь у вас есть отвращение к некоторым вещам, которые вы не имели до Антропософской Работы. Это будет распространяться всё больше и больше, если человек будет бескорыстно работать над своим высшим развитием так, чтобы мир мог получить от него истинное. Не следует только играть в прятки со словами: "Бескорыстность" и "Эгоизм". Этими словами можно фактически очень легко злоупотреблять. Самоотречением не будет, если человек говорит: "Я хочу быть деятельным только в мире и для мира, что пользы в моём собственном развитии? Я хочу только работать и стремиться только не эгоистически... И не будет эгоизмом, если человек развивает себя, ибо благодаря этому человек делается более годным принять деятельное участие в дальнейшем развитии мира. Если упустить своё собственное дальнейшее развитие, то сделаешь себя негодным для мира, отнимаешь от мира его силу. Как раз для него и нужно сделать всё правильное, для того, чтобы развить в себе то, что имело в виду для нас Божество.

Таким образом, благодаря Антропософии разовьётся поколение людей или, лучше сказать, некое ядро человечества, которое не только инстинктивно ощущает умеренность, как руководящий идеал, но также будет обладать и сознательной симпатией к тому, что достойным образом делает человека камнем для сооружения Божественного Миропорядка: и сознательным отвращением к тому, что разрушает человека, как такового.

Итак, мы видим, что и в том, что вырабатывается в самом человеке, налицо моральные импульсы: и мы находим то, что мы можем назвать изменённой мудростью, как преображённую умеренность. нарастающий для ближайшего - шестого - периода культуры. Идеал той жизненной мудрости будет реальной добродетелью, которую Платон называет "справедливостью". Это - гармоническое согласование всех добродетелей. В то время как добродетели в человечестве несколько подвинулись, видоизменилось также и то, что в дохристианское время считалось за добродетель. Такой отдельной добродетели, которая вызывает гармонию, в то время ещё нет. Гармония стоит перед взором людей, как идеал более далёкого будущего. Относительно мужества мы видели, что оно превратилось в любовь, как моральный импульс. Мы видели также, что мудрость стала правдивостью. Правдивость есть прежде всего то, что является добродетелью, могущей поставить людей во внешней жизни достойным образом и в правильные отношения. Но если мы хотим достигнуть правдивости по отношению к духовным вещам, то каким образом мы можем осуществить это? К этой правдивости, к тому, что может как добродетель воспламенить нашу душу ощущающую, мы приходим путём верного понимания, правильного интереса и соответствующего участия. Что же такое это участие по отношению к духовному миру? Когда мы хотим противопоставить себя физическому миру и прежде всего человеку, то мы должны открыть себя по отношению к нему, мы должны смотреть на его сущность открытыми глазами. Но каким образом мы приобретаем эти открытые глаза по отношению к духовному миру тогда, когда развиваем совершенно определённый род чувства? Тот род чувства, который всплыл из глубины душевной жизни, когда древняя мудрость, мудрость инстинктивная, погрузилась в эти глубины. Этот род чувства, определение которого мы часто слышим у древних греков в словах: "Всё философское мышление начинается с удивления", с "изумления". Удивление и изумление, как исходным пунктом нашего отношения к сверхчувственному миру, выражено также нечто значительное и в моральном смысле. Дикая, некультурный человек мало удивляется великим явлениям мира. Именно путём возрастающего одухотворения приходит человек к тому, что бы находить загадки в повседневных явлениях и чутать в них духовное. Удивление есть то, что поднимает нашу душу ввысь в

духовные области, чтобы и мы проникли в эти области. Лишь тогда мы можем проникнуть в эти познания, когда наша душа притягивается к предметам, подлежащим познанию. Это притяжение и есть то, что даёт простор удивлению, изумлению и вере. В сущности, это удивление и это изумление есть всегда то, что обыкновенно называют верой. Вера, удивление и изумление - это три душевные силы, которые выводят нас за пределы обыкновенного мира.

Когда мы стоим в изумлении перед человеком, мы ищем понимания его существа, мы приходим к добродетели "БРАТСТВА", и лучше всего мы осуществим её, когда подойдём к человеку с глубоким уважением. Мы увидим тогда, что уважение становится чем - то, что мы должны нести навстречу каждому человеку. Сделав это, мы достигнем того, что станем всё правдивее и правдивее. Правда станет для нас тем, к чему мы почувствуем себя обязанными. Сверхчувственный мир станет для нас тем, к чему мы в случае предчувствия его будем иметь склонность, а знанием мы достигнем того, что, как сверхчувственная мудрость уже опустилась в подсознательные области души. Только когда эта сверхчувственная мудрость уже была - появились слова, говорящие, что философия начинается с удивления и изумления.

Эти слова могут пояснить вам, что удивление и изумление вошли в мировое развитие только тогда, когда в мир Пришёл Импульс Христа. Теперь, когда мы уже привели любовь как вторую из добродетелей, взглянем на то, что для грядущих времён мы указали на жизненную мудрость, а для настоящих - как обще - инстинктивную умеренность. В этих добродетелях человек стоит лицом к лицу с самим собой. Здесь он, так сказать, поступает так, что совершая поступки в мире, он тем самым заботится о себе. Поэтому ему необходимо приобрести мерилу для объективной оценки.

Итак, мы видим выявляющимся нечто, что всё больше и больше развивается, и о чём я уже часто говорил в этой связи - что появляется в греческое время, то есть в четвёртый после - атлантический период культуры, Мы можем непосредственно указать на то, что в древне-греческой драме, например, у Эсхила, известную роль играют Фурии, превращавшиеся затем у Эврипида в совесть. Из этого мы усматриваем что в более древние времена вообще ещё не существовало того, что мы называем совестью. Совесть есть главным образом то, что мы имеем как норму наших собственных поступков, когда мы слишком далеко заходим в наших притязаниях, когда мы уже слишком ищем собственной выгоды. Совесть действует тогда как норма, которая встаёт между нашими симпатиями и антипатиями.

Тем самым мы приобретаем то, что так сказать, более объективно, что действует во вне по сравнениям с добродетелями правдивости, любви и жизненной мудрости.

Любовь стоит здесь в центре и действует как нечто, что регулируя, должно пронизать всю жизнь, также и социальную жизнь. Подобным же образом действует она, регулируя и то, что человек развил как внутренние импульсы. Но то, что человек развил как правдивость, проявится в вере в сверхчувственное знание. Жизненную мудрость, то есть то, что касается нас самих, мы должны почувствовать как Божественно - Духовный регулятор, который верно ведёт путём истинной середины, подобным же образом, как делает это совесть. Было бы очень легко, если бы у нас было время ответить на различные возражения, которые могут быть сделаны в этом месте. Мы вникнем подробнее только в одно. Можно было бы, например, сказать: "вот утверждают, что совесть и способность изумляться есть нечто такое, что только что появилось в человечестве, между тем, ведь это же вечное свойство человеческой природы." Но они именно не таковы. Кто захотел бы утверждать, что они суть вечное свойство человеческой природы, тот показал бы этим лишь, что он незнаком с соответствующим положением вещей.

Всё больше будет выясняться, что в древние времена люди ещё не так глубоко спускались на физический план, что они ещё были больше связаны с Божественными Импульсами: что человек был в таком состоянии, к которому он снова будет сознательно стремиться, когда он всё более и более будет овладевать правдивостью, любовью и жизненной мудростью по отношению к физическому плану и по отношению к духовному познанию, когда им всё больше и больше будет овладевать вера в сверхчувственный мир. Вовсе не должно быть верой то, что непосредственно возводит в сверхчувственный мир. Но в конце концов оно превратится в сверхчувственное знание. Как с верой, так обстоит и с любовью, которая действует внешне. Совесть - это то, что регулируя захватывает душу сознательную. Вера, любовь, совесть - эти три силы будут путеводными звёздами моральных сил, которые войдут в человеческие души главным образом через Антропософское Мирозерцание. Моральная перспектива будущего может раскрыться только тому, кто представит себе названные добродетели возрастающими всё более и более. Антропософское Мирозерцание осветит нравственную жизнь светом этих добродетелей, и они будут созидательными силами будущего.

Наше рассмотрение должно завершить нечто, что могло бы быть дано лишь в более длинных сопоставлениях и что я поэтому могу сообщить лишь кратко. Мы знаем, что тогда с События Мистерии Голгофы, один человеческий организм, состоящий из физического тела, эфирного тела и астрального тела, принял в себя сверху "Я" - Импульс", как Импульс Христа. Это был Христов Импульс, принятый Землёй и излившийся в культурную жизнь Земли. Он жил теперь в ней, как "Я" Христа. Мы знаем далее, что у Иисуса из Назарета остались физическое тело,

эфирное тело и астральное тело. Христов Импульс был в них как "Я". Иисус из Назарета отделился на Голгофе от Христова Импульса, Который и Излился тогда в Земное развитие. Этот Импульс в Его Развитии означает само Земное развитие.

Возьмите серьёзные вещи, о которых часто упоминается так что бы человек мог легче постичь их. Мир есть Майя или иллюзия - как часто мы это слышим. Но человек должен постепенно прийти к истине, к реальной стороне этого внешнего мира. Земное развитие состоит в сущности в том, что в отношении всех внешних вещей, во втором периоде земного развития, в котором мы сейчас находимся, распадается всё то, что образовалось в первом периоде: так что всё, что мы видим внешне физическое, отпадает от человеческого развития, как отпадает у человека его физическое тело.

Но что же тогда останется? - так можно было бы спросить. Силы, которые включаются в человека, как реальные силы, благодаря процессу развития человечества на Земле. И Самым Реальным Импульсом Является Тот Который Излился в земное развитие человечества через Импульс Христа. Но Этот Христов Импульс не находит в земле ничего, во что бы ОН мог облечься. ОН должен лишь через дальнейшее развитие Земли получить поэтому оболочку. И когда Земля придёт к своему концу, тогда вполне развившийся Христос будет конечным человеком, как Адам был начальным человеком, вокруг которого человечество сгруппировалось в своей многочисленности.

В словах: "То, что вы сделали одному из братьев Моих - сделали Мне", - заключается тайное значения указание для нас. Что же делалось для Христа? Поступки, совершаемые в Духе Христова Импульса под влиянием совести, под влиянием веры и в духе познания - они вытекали из земной жизни до настоящего времени, и когда человек своими поступками и своим моральным поведением даёт что-либо своим братьям, он даёт в то же время и ХРИСТУ. Надо поставить за правило: всё, что мы создаём как силы, как деяние веры и доверия - как деяния, проистекающие из удивления и изумления - всё это, если оно в то же время жертвуется для "Я" ХРИСТА, есть нечто, что как оболочка замыкается вокруг ХРИСТА, и её можно сравнить с астральным телом человека.

Мы образуем астральное тело ИМПУЛЬСУ ХРИСТОВА "Я" всеми моральными поступками удивления, доверия, благоговения, веры - короче говоря, всем, что пролагает путь к сверхчувственному познанию. Всеми этими действиями мы содействуем любви. Это уже кроется и в смысле приведенного выражения: "Всё, что вы делаете одному из братьев Моих - сделали Мне".

Мы образуем эфирное тело Христу делами любви, а тем, что возникает в мире благодаря импульсам совести, мы образуем для ХРИСТОВА ИМПУЛЬСА то, что соответствует физическому телу

человека. Когда Земля достигнет однажды своей цели, когда люди поймут истинные моральные импульсы, которыми обуславливается всё доброе - тогда будет освобождено то, что, будучи Христовым Импульсом, через МИСТЕРИЮ ГОЛГОФЫ, влилось в человеческое развитие как "Я". Оно облечётся тогда астральным телом, созданным верой и всеми деяниями человеческого удивления и изумления: ОНО облечётся в нечто, окружающее ЕГО подобно физическому телу, созданному делами совести.

Так будет совершаться эволюция человечества благодаря совместной работе моральных импульсов человечества и ИМПУЛЬСА ХРИСТА. Как великое органическое сочленение, видим мы перед собою это человечество в перспективе. Когда люди научатся включать свои поступки, свои импульсы в этот великий организм и собственными своими делами созидать как бы оболочки для него, тогда они создадут, благодаря земному развитию, основу для великой общины, которая сможет насквозь, всецело проникнуться Христовым Импульсом, Самим Христом.

Итак, мы видим, что мораль вовсе не нужно проповедывать, но что её можно обосновать, если показать то, что происходит и происходило в действительности и что делает достоверными такие вещи, которые доступны ощущению, особенно предрасположенным к духовному, натуры. Всегда особенно трогает, когда обращаешь внимание на то: как Гёте в момент, когда он потеряв своего друга герцога: Карла Августа пишет в Веймаре в длинном письме различные вещи и затем в тот же день - это было в 1828 г., за три с половиной года до смерти, так сказать, в конце его жизненного пути - записывает в своём дневнике удивительно достойные замечания слова: "Весь разумный мир надо рассматривать как великого, бессмертного индивидуума, который непрерывно производит необходимое и благодаря этому делается господином даже над случайным". Как может подобная мысль приобрести большую конкретность, как не тем, что мы представляем себе этого индивидуума действующим и творящим, с ним связанным? Через Мистерию Голгофы в человеческое развитие вошёл ещё более Великий Индивидуум, и люди, устраивая намерено свою жизнь так, как это было описано выше, окружают как члены этот Христов Импульс так, что вокруг НЕГО образуется нечто, что станет как бы оболочкой вокруг Сущности, вокруг зерна.

Многое я должен был бы ещё сказать о том, что вытекает из теории как добродетель. В особенности можно было бы присоединить сюда много важных и долгих рассмотрений относительно той правдивости, которая выявилась бы по отношению к Карме. Благодаря Антропософскому Мирозерцанию Идея Кармы должна всё более и более войти в человеческое развитие. Всё более и более человек должен будет научиться так устраивать и смотреть на свою жизнь, чтобы его

добродетели соответствовали Карме. Через идею Кармы человек должен будет познать также и то, что за счёт своих будущих дел он не смеет отречься от прошлых. Известное следствие жизни, принятия на себя того, что мы сделали - это ещё должно явиться результатом человеческого развития. Насколько ещё человек далёк от этого, мы видим, когда рассматриваем людей ближе. Что человек вырастает, выполняя известные задачи, факт известный. Если и кажется, что поступки не существуют, то всё же поступают так, как, в сущности, возможно было бы поступить лишь в том случае, если бы не делать первого. Тот факт, что человек чувствует себя ответственным за то, что он сделал, тот факт, что он воспринял Карму также и в своё сознание - представляет собой нечто, что могло бы послужить предметом рассмотрения.

Многое вы и сами найдёте путём указанных основных черт этих лекций, например, вы найдёте, сколь плодотворными могут стать эти идеи, если вы их проведёте дальше. Жизнь человека в течение остатка земного развития, в форме всё возобновляющихся инкарнаций, ложится в основу задач: по доброй воле свободным стремлением изменить всё, что погрешило в ту или иную сторону относительно описанных добродетелей так, чтобы могло наступить равновесие, среднее состояние, и тем самым постепенно могла бы быть достигнута цель; охарактеризованная описанным созиданием оболочек для Христова Импульса.

Таким образом мы видим перед собой не только отвлечённый идеал общего братства людей, которое получает действительно сильные импульсы, если мы кладём в его основу Антропософское Миросозерцание, но мы видим, что в нашем земном развитии кроется нечто реальное, некий Импульс, Пришедший в мир через Мистерию Голгофы. И мы видим себя поставленными в необходимость так воздействовать на душу ощущающую, на душу рассудочную и душу сознательную, чтобы эта Идеальная Сущность становилась действительной, и мы были бы связаны с Этой Сущностью как с Великим Бессмертным Индивидуумом. Мысль, что возможность дальнейшей эволюции, возможность достижения земной миссии заключается единственно в слиянии в одно целое с Этим Великим Индивидуумом, эта мысль приводится в исполнение вторым моральным основоположением: то, что ты делаешь так, как если бы это рождалось только из тебя одного: отбрасывает тебя, отделяет от этого Великого Индивидуума, этим ты разрушаешь нечто. Но то, что ты делаешь для того, чтобы выше указанным образом воздвигать этот Великий Бессмертный Индивидуум, - это ты делаешь для дальнейшего развития, для дальнейшей жизни всего Мирового Организма.

Эти две мысли, которые нам нужно только себе представить, чтобы увидеть на деле, что они не только проповедуют мораль, но и обосновывают её. Ибо полной ужаса и содрогания, подавляющей все сопоставления вожделения, являются мыслью:

своими делами ты разрушаешь то, что ты должен строить. Но воспламеняющей, влекущей к добрым действиям, к интенсивным моральным импульсам, является мысль: ты участвуешь в строительстве этого Бессмертного Индивидуума, ты делаешь себя членом этого Бессмертного Индивидуума. Тем самым не только проповедуется мораль, но указывается на такие мысли, которые сами могут быть моральными импульсами, на мысли, которые способны обосновать мораль.

Подобная мораль скорее станет Антропософским Мирозерцанием и Антропософским Убеждением, чем больше будет прилагаться попечения об истине. Высказать это в этих трёх лекциях я и поставил своей задачей. Правда, многое могло быть лишь кратко намечено, но наши собственные души разовьют дальше то, что сказано в эти три вечера. И таким образом у нас будет лучшее единение на Земле. Когда мы собираемся для общих рассматриваний вместе, подобно тому, как мы это сделали теперь, как антропософы Средней Европы и Севера, и, когда мы даём звучать в себе дальше тому, что во время таких встреч возникало в нас как мысли, тогда мы лучше всего осуществляем возможность для Антропософии, даже уже в настоящее время основать действительно спиритуальную жизнь. И хотя нам приходится опять разойтись, тем не менее, мы знаем, что мы по-прежнему вместе в наших Антропософских Мыслях, и это знание является в то же время Мировым Импульсом. Знать, что мы соединены под одними Идеалами с людьми, которые пространственно обычно далеки друг от друга, но с которыми иногда при особых обстоятельствах мы можем встречаться, - это более сильный моральный импульс, чем постоянное пребывание вместе.

И то, что мы думаем так о нашем совместном пребывании, то, что мы понимаем так наши общие рассматривания, - это наполняет также и мою душу, особенно, в заключении этих лекций, как нечто такое, что мне хотелось бы, так сказать, попрощаться с вами и относительно чего, я убеждён, если это понимать в правильном свете, что оно и спиритуально основывает развивающуюся таким образом Антропософскую Жизнь. Этой Мыслью, Этим Словом мы и закончим сегодня этот обзор.